Гвардия
Рус. Царя на
Софийской дороге
1877

12 ОКТЯБРЯ 1886 Г.

ПАМЯТНИКЪ „СЛАВЫ“.

ГВАРДІЯ
РУССКАГО ЦАРЯ
НА СОФІЙСКОЙ ДОРОГѢ

12 октября 1877 г.

Е. В. Богдановича.

С.-Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финан., на Дворц. площ.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Октября 1886 г.

Вслѣдъ за окончаніемъ Турецкой войны 1877—1878 годовъ и возвращеніемъ на родину нашихъ войскъ, покрытыхъ побѣдными лаврами, въ Бозѣ почившимъ **Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ** *изъявлено было Царское пожеланіе, чтобы память о доблестныхъ побѣдахъ и геройскихъ подвигахъ русскихъ воиновъ увѣковѣчена была достойнымъ сихъ славныхъ дѣяній памятникомъ.*

Волею благополучно нынѣ царствующаго **Государя Императора Александра Александровича** *благопожеланіе Царя-Освободителя приведено въ исполненіе. Въ столицѣ Государства Всероссійскаго, на площади предъ соборомъ Св. Троицы, воздвигнутъ „Памятникъ побѣдъ". Статуя эта будетъ изъ рода въ родъ напоминать русскому народу о славныхъ подвигахъ воинской доблести, о герояхъ-воинахъ, воодушевленныхъ безпредѣльною преданностью Царю и Отечеству.*

Его Императорскому Величеству благоугодно было для торжественнаго открытія и молитвеннаго освященія нововоздвигнутаго памятника избрать день 12-го Октября, въ который Императорская гвардія чтитъ годовщину славнаго дѣла при Горномъ-Дубнякѣ.

Въ 1879 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всеобщаго восторженнаго одушевленія, съ которымъ Россія встрѣтила возвращавшіяся съ побѣдъ войска, на основаніи

матеріаловъ, собранныхъ мною, большею частью, по изустнымъ разсказамъ участниковъ и очевидцевъ военныхъ дѣйствій, я издалъ лѣтопись одного изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ войны, подъ названіемъ: „Гвардія Русскаго Царя на Софійской дорогѣ, 12 Октября 1877 года“. Изъ этой лѣтописи, ко дню торжественнаго открытія Памятника Славы, ко дню девятой годовщины Горнаго-Дубняка, перепечатана особою брошюрою глава, рисующая „Бой при Горномъ-Дубнякѣ“,—да послужитъ она молодымъ силамъ гвардіи напоминаніемъ о трудахъ и подвигахъ ихъ недавнихъ товарищей, назиданіемъ въ воинской доблести.

Е. Богдановичъ.

Петербургъ,
1-го Октября 1886 г.

БОЙ

при

Горномъ Дубнякѣ.

Свѣтлая, холодная ночь предвѣщала хорошую погоду на 12 октября 1877 года. Дулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Какъ ни ярко сіяла луна, а Балканскія громады и даже ближайшій озоръ гвардейскаго стана утопали въ сырой, осенней мглѣ. Ожидались большіе труды, а спалось мало. Офицеры, покончивъ съ приготовленіями къ бою, писали письма; прозябшіе солдаты, осмотрѣвъ оружіе и сдавъ свои скудныя сбереженія ближайшимъ начальникамъ для отсылки родственникамъ „на случай грѣха“, грѣлись у рѣдкихъ костровъ, разрѣшенныхъ лишь въ самомъ маломъ числѣ. Предавъ себя теплою молитвой милосердію Промысла, всѣ были проникнуты сознаніемъ долга и торжественностью послѣднихъ часовъ отдыха и тишины, предъ началомъ многотруднаго, грознаго дня... Молодыхъ офицеровъ томило нетерпѣніе: скорѣе бы испытать свои силы, извѣдать непонятныя ощущенія — узнать самого себя. Полковые священники тихо совершали богослуженіе. Отчетливо слышались слова молитвы среди ноч-

ной тишины... Настроеніе было торжественное, но не унылое: громче всякихъ личныхъ, себялюбивыхъ чувствъ звучали въ сердцахъ напутственныя благословенія Царя и народа, и, воодушевленные увѣренностью въ побѣдѣ, гвардейцы спокойно ожидали начала грядущей грозы.

Едва прибывъ съ тридцативерстнаго перехода по липкой грязи, Л.-Гв. Московскій полкъ поспѣшилъ воспользоваться нѣсколькими часами отдохновенія, оставшимися ему до выступленія.

Этой краткой характеристикой общаго душевнаго настроенія гвардейцевъ, наканунѣ перваго сраженія, разъясняется все переданное объ этомъ предметѣ офицерами и нижними чинами, участвовавшими въ кровавой драмѣ 12 октября.

Уже въ первомъ часу пополуночи всѣ были на ногахъ. Стали строиться. „Помни братцы", повторяли командиры солдатамъ, „турки не цѣлятъ, не всѣхъ убьютъ... Когда впередъ, такъ ломи: турокъ не любитъ поля, спрячется въ редутъ — выковыривай его оттуда. Береги патронъ, да и товарища оберегай, не выдавать другъ друга, а мы ужь позаботимся, чтобы рота не выдавала роты; смотри впередъ веселѣй, прямо въ глаза врагу: турки этого не любятъ; не кланяйся свистящимъ пулямъ—что свиснула, то не твоя — своей не услышишь; иди за офицерами, мы будемъ впереди, а тамъ что Богъ дастъ. Въ добрый часъ, ребята, трогай. Ружье вольно, впередъ!"

Потянулись къ Виду длинныя походныя колонны. У каждаго брода стояли саперы для указанія переправы. Солдаты шли бодро, весело. Говорить было позволено только вполголоса. Но люди большей частью

шли молча: каждый сознавалъ необходимость избѣгать шума. Офицеры по нѣскольку разъ переправлялись черезъ рѣку съ цѣлью указывать солдатамъ, гдѣ помельче.

На лѣвомъ берегу Вида войска построились въ баталіонныя колонны. Вѣтеръ свѣжѣлъ, холодъ становился невыносимымъ. Ноги коченѣли отъ налившейся въ сапоги полумерзлой воды. Началось томительное, тяжелое ожиданіе.

„Не страхъ пугаетъ солдатъ — да и не въ русской натурѣ это чувство“, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Лейбъ-Гренадеръ Гредякинъ, „а ожиданіе чего-то новаго, незнакомаго, невольно заставляетъ сжиматься сердце“.

. . . .

Первою выступила по Свинарской балкѣ колонна для дѣйствія противъ Телиша. По слѣдамъ ея, сначала, потянулась лѣвая изъ колоннъ, назначенныхъ для атаки Горнаго Дубняка. Изрѣдка раздавались вполголоса выходки ничѣмъ не заглушаемаго солдатскаго юмора. Въ Финляндскомъ полку люди острили надъ обременявшими ихъ тяжелыми фашинами. „Тащи!“, вполголоса подшучивали солдаты, „затѣмъ и приказано ихъ брать, чтобы для примѣра наказать Турку розгами“.

Одновременно съ лѣвою колонною двинулась и правая.

Какъ уже сказано, съ цѣлію одновременной атаки турокъ со всѣхъ сторонъ, послѣднею должна была выступить средняя колонна, барона Зедделера. „Я былъ очень удивленъ“, писалъ этотъ генералъ, „когда въ 6¼ часовъ утра прибылъ ко мнѣ ординарецъ Гурко, Л.-Гв. Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Бураго, съ

приказаніемъ начать наступленіе ровно въ 6½ часовъ утра. Я подробно спросилъ ординарца о сущности приказанія, указывалъ на несогласіе его съ полученнымъ мною разрѣшеніемъ и спросилъ: „беретъ ли онъ отвѣтственность за точность передаваемаго имъ приказанія?“

Дѣйствительно, было чему удивляться. Благодаря новому распоряженію, средней колоннѣ, повидимому, приходилось вступить въ дѣло одной, гораздо ранѣе того времени, когда прочія двѣ колонны успѣютъ совершить обходныя движенія и захожденія плечомъ, предшествовавшія вступленію ихъ въ линію огня.

Оказалось, однако, что генералъ Гурко былъ правъ. Выѣхавъ съ небольшимъ конвоемъ значительно впередъ, онъ лучше другихъ могъ судить о дѣлѣ. Какъ ни важна была *одновременность* аттаки съ разныхъ сторонъ, но не менѣе важна была и *нечаянность* аттаки средней колонны, которой предстояло овладѣть самымъ сильнымъ изъ передовыхъ укрѣпленій непріятеля—Малымъ редутомъ. Между тѣмъ, приближалась заря; обходное движеніе обѣихъ фланговыхъ колоннъ, среди бѣла-дня, могло-бы преждевременно открыть непріятелю общее наступленіе русскихъ, и тогда исчезли бы для средней колонны всѣ выгоды нечаянности нападенія.

„Нашему успѣху“, сказано въ *Дневникѣ Лейбъ-Гренадера* Гредякина, по поводу овладѣнія Малымъ редутомъ, „весьма много способствовала неожиданность атаки для непріятеля, результатомъ чего было то обстоятельство, что поджидаемая защитниками редута поддержка изъ главнаго укрѣпленія, въ виду нашего успѣха, не состоялась; такимъ образомъ, если бы атака была

предпринята нѣсколько позже, то взятіе редута представилось бы еще болѣе трудною задачей“.

Къ тому же, отъ барона Зеделера зависѣло вовремя пріостановить движеніе своей колонны, чтобы дождаться прибытія остальныхъ. Своею замѣчательною осмотрительностью, баронъ Зеделеръ вполнѣ оправдалъ въ этомъ случаѣ довѣріе, оказанное ему начальникомъ отряда.

Убѣдившись въ точности переданнаго штабсъ-капитаномъ Бураго приказанія, баронъ Зеделеръ двинулъ свою колонну, направляясь по тропинкѣ изъ Чирикова къ селенію Горный Дубнякъ. Колонны двигались медленно, сначала по вязкимъ кукурузнымъ полямъ, затѣмъ густымъ дубовымъ кустарникомъ; артиллерія съ трудомъ взбиралась на холмъ, скрывавшій отъ нашихъ войскъ непріятельскія укрѣпленія.

Занялась заря. Вскорѣ послышались первые одиночные ружейные выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ по казачьему разъѣзду, посланному для уничтоженія телеграфа между Горнымъ Дубнякомъ и Плевной. Нѣсколько минутъ спустя турецкіе пикеты, верстахъ въ трехъ отъ Горнаго Дубняка, сдѣлали нѣсколько залповъ по генералу Гурко, ѣхавшему впереди колоннъ, съ многочисленною свитой. Въ турецкомъ лагерѣ раздались звуки трубъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, Турки трубили сборъ высланнымъ въ лѣсъ рабочимъ; у насъ же эти звуки были приняты „за тревогу“. Наша пѣхота прибавила шагу. Сбившемуся съ пути въ густомъ кустарникѣ, головному, 4-му баталіону Лейбъ-Гренадеръ; звуки турецкихъ рожковъ помогли опознаться, и, направляясь уже прямо на эти звуки, по-ротно въ двѣ линіи, онъ сталъ подходить къ опушкѣ лѣса; но такъ

какъ 4-й баталіонъ уже довольно сильно уклонился влѣво, въ расположеніе Л.-Гв. Павловскаго полка, то для пополненія значительнаго интервала между нимъ и артиллеріей, полковымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ Любовицкимъ, были выдвинуты въ первую линію 2-й баталіонъ правѣе, а 3-й—лѣвѣе 4-го, а барономъ Зедделеромъ были переведены на лѣвый флангъ артиллеріи двѣ роты (15-я и 16-я) Московскаго полка.

Какъ первый сильный ружейный огонь былъ открытъ непріятелемъ по генералу Гурко и его свитѣ, такъ по немъ же были пущены первыя три непріятельскія гранаты, по счастію безвредныя. Версты полторы отъ главнаго редута, непріятель открылъ частый ружейный огонь, на этотъ разъ уже изъ Малаго редута. Гренадеры подвигались, не отвѣчая на выстрѣлы. Между тѣмъ, слѣдовавшія при средней колоннѣ 1-я и 2-я батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады, достигнувъ вершины холма, немедленно снялись съ передковъ и открыли огонь съ дистанціи 850 саженъ. Вскорѣ за тѣмъ, записка генерала Розенбаха сообщила начальнику средней колонны, что лѣвая колонна задержана переправой чрезъ глубокую канаву, вслѣдствіе чего баронъ Зедделеръ немедленно пріостановилъ свою колонну, ограничиваясь на время однимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Непріятельскіе выстрѣлы уже начинали находить не мало жертвъ, особенно въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку. Но бодрость и юморъ гвардейцевъ лишь разгорались. Лица оживлялись; въ глазахъ высказывалась безстрашная рѣшительность и какая-то беззавѣтная веселость. Вдругъ, изъ кустарника выскочилъ волкъ, испуганный выстрѣлами. Пользуясь минутой отдыха,

Лейбъ-Гренадеры, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и при ревѣ гранатъ, съ гикомъ, смѣхомъ и атуканьемъ бросились за „сѣрымъ“ и тутъ же покончили съ нимъ.

Съ перваго взгляда на этихъ молодцовъ, можно было подумать, что турки стрѣляютъ холостыми зарядами.

Вскорѣ показались стройные ряды Павловцевъ и Финляндцевъ. Вотъоткрыли огонь и батареи лѣвой колонны. Желая достигнуть бóльшей дѣйствительности огня, баронъ Зедделеръ приказалъ выдвинуть свои батареи слишкомъ на 450 сажень впередъ. Мѣра была отважная. Батареи стройно и быстро вынеслись на новую позицію уступами и открыли огонь по Большому редуту. Сама реляція свидѣтельствуетъ о „лихости“, съ какою было исполнено это движеніе, на глазахъ начальника отряда. Послѣ нѣсколькихъ очередей, батареи возвратились на позицію, расположенную немного впереди первой. Одновременно съ дѣйствіемъ артиллеріи, имѣя въ виду, что Лейбъ-Гренадеры оказывались одни впереди, баронъ Зедделеръ приказалъ перейти въ наступленіе стоявшимъ въ 1-й линіи двумъ ротамъ 2-го и двумъ 4-го баталіоновъ Московскаго полка. Но едва тронулись Московцы, какъ по личной инициативѣ полковника Любовицкаго, 2-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ, поддержанный 3-мъ, имѣя въ головѣ своего безстрашнаго полковаго командира, перешелъ изъ наступленія въ атаку. Это было около 9 часовъ утра. Грянуло громкое ура! и Лейбъ-Гренадеры, бѣгомъ, безъ выстрѣла, понеслись на гору, гоня передъ собой турокъ, бѣжавшихъ изъ передовыхъ ложементовъ. Загремѣлъ и затрещалъ по атакующему, съ обоихъ редутовъ, страшно сосредоточенный огонь артиллеріи и пѣхоты. Словно въ непрерывный протяжный залпъ сливались поспѣш-

ные выстрѣлы тысячей скорострѣлокъ. Не болѣе *какъ въ 8 минутъ* баталіоны добѣжали до рва Малаго редута, и все пройденное ими пространство уже было *буквально усѣяно* убитыми и ранеными. Ни ровъ, ни брустверъ не остановили этого геройскаго натиска, *безпримѣрнаго въ другихъ арміяхъ, со времени введенія скорострѣльнаго оружія!* Испуганные турки, обманутые въ слѣпомъ довѣріи къ англійскимъ скорострѣлкамъ, бросились бѣжать къ Большому редуту; лишь нѣсколько сотъ смѣльчаковъ, штыками, прикладами и выстрѣлами въ упоръ пытались сбросить съ бруствера взбиравшихся на него гвардейцевъ; какой-то вражій офицеръ, стоя на брустверѣ, отчаянно махалъ саблей, призывая помощь изъ главнаго редута....

Еще минуло нѣсколько секундъ—и всѣ эти смѣльчаки, до послѣдняго, были переколоты штыками и перебиты прикладами.

Первыми вскочили на брустверъ: поручики Шейдманъ и Мачаверіани (первый изъ нихъ, хотя и раненый при этомъ, убилъ изъ пистолета турецкаго офицера, бросившагося на него съ саблей); 7-й роты унтеръ-офицеръ Морозовъ, заколовшій штыкомъ турецкаго офицера, такъ отчаянно звавшаго помощь съ Большаго редута, и 5-й роты рядовой Родичевъ.

Лейбъ-Гренадеры не думали ограничиться занятіемъ Малаго редута. Покончивъ съ самыми отчаянными защитниками укрѣпленія, они пытались по пятамъ бѣгущихъ враговъ ворваться и въ Большой редутъ. Но было поздно! Бѣгущіе уже укрылись подъ Большой редутъ, когда утомленные Лейбъ-Гренадеры стали переступать черезъ насыпи Малаго редута, обстрѣливаемаго изъ Большаго укрѣпленія безъ опасенія задѣть своихъ.

Къ 10 часамъ утра собрались за насыпями Малаго редута 2, 3 и 4 баталіоны Лейбъ-Гренадеръ.

Первое дѣло гвардейцевъ увѣнчалось блестящею побѣдой, но побѣдой дорого купленной! Лейбъ-Гренадеры поплатились за нее 200 убитыми и 400 ранеными. Изъ послѣднихъ многіе, по примѣру полковаго командира, раненаго въ плечо на вылетъ — возвратились въ строй, въ томъ числѣ и командовавшій 2-мъ баталіономъ капитанъ Засуличъ, наискось пораженный въ животъ картечною пулей и на время лишившійся чувствъ.

Судя по общему расположенію оборонительной линіи непріятеля, Малый редутъ, очевидно, долженъ былъ служить редюитомъ всей линіи передовыхъ укрѣпленій, расположенной впереди юго-восточнаго фаса главнаго редута. Такъ какъ со взятіемъ Малаго редута эти ложементы оказались обойденными съ тыла, то занимавшіе ихъ турки, безъ боя, бѣжали въ Большой редутъ. Но этимъ не ограничились выгоды занятія Малаго редута: благодаря такому занятію, Лейбъ-Гренадеры приблизились къ Большому редуту на разстояніе отъ 180 до 200 шаговъ. Сверхъ того, лежа за насыпями Малаго редута, гренадеры получили возможность стрѣлять по непріятелю съ большими шансами на успѣхъ.

За попытку преслѣдовать врага по пятамъ, Лейбъ-Гренадеры поплатились новыми жертвами. Она стоила бы имъ еще дороже, если бы отступленіе ихъ не было поддержано во время стремительною атакой 3 и 4 баталіоновъ Московскаго полка, отлично избравшаго этотъ моментъ, чтобы броситься на ура! сразу занять шосе и укрыться за его канавами. По несчастію, при самомъ началѣ этой атаки, исполненной по приказанію барона Зедделера для выручки Гренадеръ, этотъ храбрый на-

чальникъ средней колонны былъ раненъ пулей въ животъ. Дѣло было въ самомъ разгарѣ, положеніе героевъ все еще казалось чрезвычайно опаснымъ. Въ виду этого, не смотря на серьезность своей раны, на потерю крови и на сильную боль, баронъ Зеддлеръ не позволилъ нести себя на перевязочный пунктъ, дабы не оставлять своей части въ такую минуту. Но тутъ получилъ онъ утѣшительное донесеніе о взятіи Малаго редута. Успокоившись нѣсколько на счетъ Лейбъ-Гренадеръ и чувствуя, что силы ему измѣняютъ, баронъ Зеддлеръ сдалъ команду генералу Броку и былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ. Послѣднимъ приказаніемъ его было—послать на подкрѣпленіе полковнику Любовицкому 1-й баталіонъ его полка, оставленный въ резервѣ.

При этой атакѣ Л.-Гв. Московскаго полка былъ раненъ также, въ цѣпи 4 баталіона, командиръ его, полковникъ Поливановъ 2-й. Того же баталіона подпоручикъ Рубинскій только-что бросился впередъ съ крикомъ ура!—какъ картечная пуля ранила его въ открытый ротъ *). Поручику Гавришеву пуля раздробила кости ноги. Кругомъ его лежали одни убитые и раненые. Изъ числа послѣднихъ унтеръ-офицеръ Брыковъ, видя страданія молодого офицера, подползъ къ нему, прикрылъ его отъ выстрѣловъ собственнымъ тѣломъ, старался облегчить его страданія, положивъ его голову себѣ на грудь. Но вскорѣ Гавришевъ замѣтилъ, что подъ его головой стынетъ великодушная грудь Брыкова. Заслоняя собственнымъ тѣломъ своего офицера, Брыковъ спасъ ему жизнь цѣною собственной жизни: одна пуля

*) Нынѣ этотъ храбрый офицеръ находится въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

въ бокъ, другая въ лицо поразили смертельно истиннаго христіанина и безстрашнаго воина!... Занявъ шосе, люди 13-й роты, — въ которой числились и Гаврншевъ, и Брыковъ, — замѣтили далеко назади своего раненаго офицера, лежавшаго подъ градомъ пуль. Немедленно вызвался молодецъ, чтобы вынести Гаврншева изъ этого ада. Но не пробѣжалъ онъ двадцати шаговъ—какъ былъ убитъ. Той же участи подверглись еще двое Московцевъ. Не устрашаясь этимъ примѣромъ, ефрейторъ Некрасовъ добѣжалъ до Гавришева, взялъ его на руки, отнесъ его на перевязочный пунктъ и немедленно возвратился бѣгомъ на свое мѣсто, въ канавѣ шосе...

Между тѣмъ, на шосе, непрерывнымъ роемъ неслись съ фронта турецкія пули, а сзади, съ пронзительнымъ ревомъ, безпрестанно перелетали учащенные выстрѣлы 16 орудій 1 и 2-й батарей Л.-Гв. 2-й Артиллерійской бригады. Московцы, насколько возможно, укрывались за насыпью и канавами шосе, отвѣчая на торопливую ружейную трескотню турокъ мѣткимъ, прицѣльнымъ огнемъ по краснымъ фескамъ, высовывавшимся изъ-за бруствера. „Вѣдь не даромъ же, братцы, учили насъ стрѣлять“, говорилъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ, „вотъ теперь пригодится. Надо попробовать, такъ-ли буду попадать въ турокъ, какъ попадалъ въ мишень, за что я и получилъ продольную нашивку“. Но чтобы стрѣлять мѣтко, надо было приподниматься—за что многіе уже поплачивались жизнію. Уложивъ, такимъ образомъ, уже шесть турокъ, „теперь пойдемъ за седьмымъ“, сказалъ Соловьевъ, опять приподнимаясь, но тутъ же былъ убитъ на повалъ. Несмотря на адскій огонь, полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Рябовъ, то и дѣло совершалъ верхомъ опасную скачку отъ резервовъ къ шосе и обратно, пока у

него не ранили лошадь. Не имѣя болѣе возможности исполнять свою адъютантскую должность, Рябовъ испросилъ у генерала Брока разрѣшеніе отправиться въ цѣпь. Собравъ человѣкъ 20, онъ, перебѣжками, достигъ шосе, гдѣ принялъ команду надъ 5-й ротой, уже лишившейся всѣхъ своихъ офицеровъ, и своимъ примѣромъ ободрялъ подчиненныхъ. Между тѣмъ подпоручикъ Реми преспокойно расхаживалъ по шосе и не думая ложиться, чтобы найти какое либо закрытіе. На вопросъ своего ротнаго командира, увѣщавшаго его лечь—„ничего, постоимъ", съ добродушною улыбкой отвѣтилъ Реми; но, чтобы лишить эту геройскую рѣшимость всякаго признака оскорбительнаго для товарищей хвастовства—„*оно же и не опасно*", присовокупилъ онъ немедленно, „пули рикошетируютъ: лучше быть раненымъ въ ногу, чѣмъ въ голову!" Едва успѣлъ онъ вымолвить эти слова, какъ пуля раздробила ему ступню. „*Вотъ теперь—полежимъ*", съ тою же улыбкой прибавилъ Реми, падая на шосе...

Едва 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ вышелъ на скатъ холма, какъ полковникъ Любовицкій, возвращаясь съ перевязки, лично повелъ его правѣе Малаго редута на штурмъ Большаго. Баталіонъ шелъ по совершенно открытой мѣстности, а пробѣжать безъ остановки все разстояніе, обстрѣливаемое Большимъ редутомъ, было невозможно. Подавленный непрерывнымъ градомъ пуль, ружейныхъ съ фронта и шрапнелевыхъ сверху, 1-й баталіонъ уклонился влѣво и, пробѣжавъ нѣсколько впередъ Малаго редута, принужденъ былъ присоединиться къ товарищамъ, укрывавшимся за его насыпями.

Новыя жертвы геройства пали подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ числѣ ихъ былъ и смертельно раненый командиръ 1-го баталіона, полковникъ Аспелундъ 1-й.

Лежа за окопами Малаго редута, Лейбъ-Гренадеры завязали съ непріятелемъ неумолкаемую перестрѣлку. Люди перевели духъ, немного пооправились и тутъ посыпались у нихъ шутки о только-что конченной штыковой работѣ.—„Ужь какъ я его вдарилъ прикладомъ, ажъ перевернулся бритоголовый“, оживленно разсказывалъ молодой солдатъ.—„Набѣжалъ на меня ихній офицеръ, еще изъ благородныхъ, а такой грубьянъ“, подшучивалъ другой солдатъ, „сабленку-то видно уронилъ, да такъ и претъ на меня съ одними кулаками, да ругается, а тутъ я съ нимъ и покончилъ“.—„Другой разъ пусть не куражится“, отвѣчалъ третій. Особенно отличался при этомъ раненый въ обѣ ноги 6-й роты унтеръ-офицеръ Ильченко, также изъ первыхъ вскочившій на валъ: онъ продолжалъ стрѣлять все время, забавляя другихъ бранью и колкостями надъ турками и увѣряя, что рана пулей вздоръ, что отъ нея нѣтъ даже ни малѣйшей боли.

Между тѣмъ, гвардейскіе саперы тоже подвинулись*) по дорогѣ изъ Чирикова къ Малому редуту, въ резервѣ за среднею колонной. Господствующимъ настроеніемъ людей была беззаботная веселость, въ увѣренности, что имъ также не придется оставаться простыми зрителями дѣла. Говорили вполголоса. У всѣхъ, въ сапогахъ, слышалось шлепанье воды. „Кто первый разъ идетъ подъ пули“, утѣшалъ одинъ саперъ, „то значитъ второе крещеніе принимаетъ. А какое же крещеніе безъ воды? Вотъ за тѣмъ и идемъ по водѣ, чтобы все, значитъ, по формѣ было“.—„Вѣстимо такъ“, возражаетъ другой, „и

*) Одинъ 4-й взводъ роты Его Величества былъ отряженъ подъ Телишъ съ отрядомъ полковника Челищева.

вся отличка въ томъ, что въ одномъ крещеніи прежде мочатъ голову, а въ другомъ—ноги".—„Врешь!" перебилъ третій саперъ, „затѣмъ и лѣземъ въ воду, чтобы въ огнѣ не было бы слишкомъ жарко".

Когда баталіонъ вошелъ въ линію резервовъ, огонь уже былъ въ полномъ разгарѣ. Подъѣхалъ начальникъ средней колонны. На вопросъ командира баталіона, флигель-адъютанта полковника Скалона, не будетъ ли новаго назначенія,—баронъ Зеделеръ, отвѣтилъ, что онъ долженъ оставаться въ резервѣ. „Неужели баталіонъ пришелъ сюда, чтобы оставаться въ резервѣ!", невольно воскликнулъ полковникъ Скалонъ, служа отголоскомъ чувству, накипавшему на сердцахъ всѣхъ его подчиненныхъ... Подошли саперы къ линіи батарей. Тяжело было имъ слѣдить простыми слушателями, за гуломъ выстрѣловъ, за отдаленными, то протяжными, то за отрывистыми криками тысячей голосовъ. Ничего не было видно въ кукурузномъ полѣ, по которому слѣдовалъ баталіонъ.

Остановились у опушки дубоваго кустарника. Впереди, на открытой возвышенности, рисовалось смутное очертаніе укрѣпленія. Это былъ Малый редутъ. Вражьи гранаты были направлены противъ нашей батареи; надъ баталіономъ засвистали наконецъ пули; почти немедленно за тѣмъ раздался крикъ „носилки!"...

Близь баталіона, на передовомъ перевязочномъ пунктѣ, также подъ пулями, кипѣла святая работа санитарнаго персонала.

Подошелъ къ баталіону полковникъ Ставровскій, и, сообщивъ о взятіи Малаго редута, о неудачной попыткѣ овладѣть главнымъ редутомъ и о ранѣ барона Зеделера, заявилъ начальнику резерва, полковнику Скалону, что помощь Лейбъ-Гренадерамъ необходима и что ве-

лѣно выдвинуть 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ. Но изъ сообщеній полковника Ставровскаго всѣ саперы не безъ основанія вывели заключеніе, что этой помощи будетъ недостаточно. Поэтому, построивъ свой баталіонъ по-ротно въ двѣ линіи, полковникъ Скалонъ, по личной инипціативѣ, верхомъ, повелъ саперовъ впередъ, но тутъ же былъ раненъ пулей въ животъ. Не имѣя возможности оставаться на лошади, полковникъ Скалонъ пытался идти пѣшкомъ, но вскорѣ принужденъ былъ лечь и сдать команду капитану, князю Аргутинскому-Долгорукому. Двигаясь опять въ густомъ лѣсу, оба полу-баталіона саперъ потеряли другъ друга изъ вида; вслѣдствіе же настояній полковаго адъютанта Лейбъ-Гренадерскаго полка, капитана Павловскаго, командиръ 2-й роты, штабсъ-капитанъ Ренгартенъ, вывелъ свою роту предъ опушку, но тутъ же былъ встрѣченъ адскимъ огнемъ. Отступить не хотѣлось; оставаться на мѣстѣ было невозможно—и вотъ 2-я рота, предводимая своимъ отважнымъ командиромъ, въ разсыпномъ строѣ, бѣгомъ, ринулась впередъ къ черной массѣ Лейбъ-Гренадеръ. лежавшихъ въ Маломъ редутѣ. Но тамъ уже не было мѣста. Саперы могли расположиться лишь по наружнымъ окраинамъ мертваго пространства, образуемаго брустверомъ, и даже лежа продолжали подвергаться огню и съ фронта, и съ фланговъ. Командиръ приказалъ окапываться лежа. Примѣру саперъ послѣдовали и пѣхотинцы. Окапывались чѣмъ попало: котелками, тесаками, *даже руками.*

И такъ, хотя Ренгартенъ и принялъ на себя, безъ всякаго приказанія, смѣлость ввести въ дѣло ввѣренную ему часть, но нельзя сказать, чтобы рѣшимость эта была неудачна: однимъ примѣромъ своимъ саперы ока-

зали большую услугу прочимъ войскамъ, укрывавшимся отъ огня Большаго редута въ мертвомъ пространствѣ у насыпи Малаго редута. По несчастію, лежа, трудно окапываться, особенно же безъ шанцеваго инструмента, какъ оно оказалось у пѣхоты, одними котелками и даже руками; двое саперъ пытались было окапываться стоя, но едва успѣли они подняться, какъ были убиты на повалъ.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, когда 2-я рота прибѣжала къ Малому редуту. Слѣдовавшая за нею рота Его Величества, по приказанію генерала Гурко, была переведена на правый флангъ средней колонны, гдѣ генералъ Брокъ приказалъ ей разсыпаться правѣе цѣпи 4-го баталіона Московскаго полка.

Отдѣлившіяся же влѣво роты 2-го полубаталіона, проблуждавъ нѣсколько времени въ густомъ лѣсу—причемъ командиръ роты Его Высочества князь Кильдишевъ былъ контуженъ—были отведены назадъ къ опушкѣ, обращенной къ Виду. Вскорѣ генералъ Брокъ расположилъ обѣ роты на флангахъ батареи. Между тѣмъ, отъ раненаго офицера было получено извѣстіе о неудачѣ штурма Большаго редута. Вслѣдствіе этого, принявшій команду надъ ротой Его Высочества, штабсъ-капитанъ Чудовскій, рѣшился, по собственной иниціативѣ, двинуться на помощь боевымъ линіямъ; 4-я рота послѣдовала за 3-й. Но дойти до Малаго редута не было никакой возможности. Потерявъ при этой попыткѣ, ранеными, подпоручиковъ Адріанова и Сошковича и нѣсколько солдатъ, роты прилегли, продолжая перестрѣлку въ ожиданіи подкрѣпленій.

Едва присоединилась къ Лейбъ-Гренадерамъ 2-я рота Гвардейскихъ саперъ, какъ неутомимый, настойчивый

полковникъ Любовицкій, несмотря на потерю крови и на боль, сталъ подъ градомъ пуль предъ Малымъ редутомъ и приказалъ сопровождавшему его барабанщику Рындину бить атаку. Увлеченные примѣромъ Рындина, сбѣжались къ нему и другіе барабанщики. Въ одно мгновеніе почти всѣ были ранены или убиты; одинъ Рындинъ продолжалъ бить атаку, но тоже упалъ тяжело раненый!... Полковникъ Любовицкій надѣлъ на себя барабанъ и самъ ударилъ атаку. На зовъ барабана вскакивали на брустверъ не разъ и офицеры, и толпы солдатъ, но мгновенно пораженные пулями, они доказывали лишь невозможность дружной атаки массами на протяженіи отъ Малаго до Большаго редута...

Нечего дѣлать! До болѣе удобнаго момента, опять приходилось пробавляться перестрѣлкой, и, по мѣрѣ возможности, окапываться...

Ни у офицеровъ, ни у солдатъ не умалялась твердая рѣшимость овладѣть „словно заколдованнымъ“ Большимъ редутомъ. И вотъ, безъ всякой команды, перекрестившись, вдругъ вскакиваютъ вмѣстѣ три—четыре молодца; съ одного прыжка, они на валу, другимъ прыжкомъ они уже впереди его, и въ запуски бѣгутъ они къ шосе, съ размаху бросаются навзничь въ первую его канаву, и тутъ же начинаютъ стрѣлять. Одного изъ четырехъ, на пути уже сразила пуля. Но для русскаго солдата нѣтъ ничего увлекательнѣе отваги. Вотъ вскакиваетъ еще кучка, и быстро перебѣгаетъ къ передовымъ молодцамъ. А непріятельскій огонь не умолкаетъ: и изъ этой кучки тоже нѣсколько человѣкъ сражены на пути. Поднимаются уже двѣ, за тѣмъ три кучки. Вмѣстѣ съ солдатами перебѣгаютъ и офицеры. Съ Лейбъ-Гренадерами перебѣгаютъ и саперы... Не имѣя еще воз-

можности, за неперевязанными ранами, перебѣжать самъ, шутникъ Ильченко становится организаторомъ этой вдохновленной „солдатской тактики“. Подтрунивая надъ болѣе нерѣшительными, возбуждая соревнованіе храбрыхъ, онъ поименно назначаетъ людей для перебѣжки къ шосе. А между тѣмъ, на самомъ шосе, тоже начинается движеніе: изъ ближайшей его канавы, люди перебѣгаютъ въ болѣе отдаленную. „Солдатская тактика“ торжествуетъ: въ канавахъ уже становится тѣсно... Лежа въ нихъ, люди разглядѣли, впереди, какой-то домикъ съ бѣлою крышей. Разстояніе до него не велико: не будетъ и 40 шаговъ. Пробѣжать можно съ одного размаха. Разсчитали—порѣшили. Вотъ перебѣжала къ домику одна кучка, за нею другая, тамъ третья. Вскорѣ за домикомъ тоже зачернѣлась масса гвардейцевъ... А Большой редутъ все „дышетъ огнемъ“; неумолкаемо трещитъ и гремитъ по прежнему „адская шарманка“, „чортова трещотка“, какъ прозвали его солдаты, окаймленная непроницаемою тучею бѣлаго дыма. Артиллерія, правда, уже умолкла—ей „зажали ротъ“ наши батареи; за то ружейный огонь все будто усиливается. И въ самомъ дѣлѣ, все разстояніе отъ Малаго редута до шосе, самое шосе и пространство отъ него до домика испещрены убитыми и ранеными; послѣдніе, ползкомъ, стараются добраться до какого-нибудь закрытія отъ свинцоваго града. При перебѣжкахъ ранены Лейбъ-Гренадеры: капитанъ Гаммеръ, штабсъ-капитанъ Сероцинскій и поручикъ Моисеевъ. Послѣдній не можетъ двигаться безъ поддержки, но рядовой его роты, Чаплыгинъ, отводитъ его въ сторону и, продолжая стрѣлять, самъ ложится предъ нимъ, чтобы прикрыть его отъ огня собственнымъ тѣломъ...

Не дремлютъ и наши. Безъ отдыха, на огонь, отвѣчаютъ они огнемъ. Нѣтъ у нихъ, однако, съ собою, какъ у турокъ, запаса въ нѣсколько сотъ патроновъ на каждаго. Патронташи быстро опорожняются. Въ первой кучкѣ, подавшей примѣръ перебѣжекъ, отличился рядовой 9-й роты Тарговскій. Онъ же, изъ первыхъ, ухитрился найти средство замѣщать убыль патроновъ. Это средство—отбирать патроны и даже цѣлые патронташи у убитыхъ и раненыхъ. Правда, для этого надо снова выйти изъ-за закрытія: бѣжать назадъ, туда, гдѣ сыплются пули „словно горохъ"; снять патронташъ съ окоченѣвшаго тѣла покойника и бѣжать обратно къ своимъ. Дѣло нелегкое! Авось удастся! И вотъ, Тарговскій приноситъ обрадованнымъ товарищамъ нѣсколько патронташей почти полныхъ... И этотъ примѣръ отваги также дѣйствуетъ увлекательно. За Тарговскимъ, татаринъ-барабанщикъ 3-й роты, Бикчижъ-Барановъ, разсудивъ, что теперь не до барабановъ, оставилъ свой „инструментъ" въ редутѣ и посвятилъ себя всецѣло страшной „игрѣ"—доставлять патроны товарищамъ. И не мало жертвъ поплатилось жизнью за эту „игру"...

Эти послѣдовательныя перебѣжки впередъ, сначала отдѣльныхъ людей, потомъ незначительныхъ группъ, а впослѣдствіи, съ прибытіемъ Измайловцевъ, и цѣлыхъ ротъ, въ продолженіи слишкомъ четырехъ часовъ и подъ ливнемъ свинца — безъ сомнѣнія, составляютъ самую своеобразную и самую блестящую черту штурма Большаго редута предъ Горнымъ Дубнякомъ...

Выступивъ съ бивака на лѣвомъ берегу р. Вида вслѣдъ за Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, лѣвая колонна,

генерала Розенбаха, направилась сначала по Свинарской балкѣ, потомъ вправо отъ нея, прямо къ шосе. На пути, по голой и гористой мѣстности, пришлось ей переправляться чрезъ нѣсколько глубокихъ овраговъ, значительно замедлившихъ ея движеніе, — что и побудило начальника колонны послать къ барону Зедделеру казака, съ уже извѣстною запиской. Выйдя на Софійскую дорогу, лѣвая колонна оставила на ней, подъ прикрытіемъ полуроты съ каждаго полка, перевязочный пунктъ, у проселочной дороги, сворачивавшей влѣво отъ, шосе. Послѣ утомительнаго перехода по липкой грязи и овражистой мѣстности, надо было стянуть колонну сдѣлать предварительныя къ бою распоряженія, вызвать санитаровъ и носильщиковъ. Для всего этого, колоннѣ былъ сдѣланъ привалъ, по окончаніи котораго люди зашли лѣвымъ плечомъ впередъ: Л.-Гв. Павловскій полкъ по правую, а Л.-Гв. Финляндскій — по лѣвую сторону шосе. Слѣдовавшія съ колонной 4-я и 5-я батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады, на рысяхъ вынеслись впередъ, и, свернувъ вправо отъ шосе, поднялись на холмъ и снялись съ передковъ на разстояніи 900 сажень отъ Большаго редута — и тутъ же заговорилъ подъ Горнымъ Дубнякомъ громовой голосъ русской гвардейской пушки. Направляясь прямо къ сѣверо-востоку, параллельно съ шосе, колонна, имѣя впереди 3-ьи и 4-ые баталіоны полковъ по-ротно въ двѣ линіи, также стала подниматься на холмы, поросшіе отдѣльными дубами. Взобравшись на холмы, Финляндцы увидѣли предъ собой обширный кругозоръ. Далеко впереди высились два темные кургана. У каждаго мелькнула мысль— это редуты. Отъ опушки мелкаго кустарника, по которому предстояло спускаться, до подножія кургана, окай-

мленнаго, повидимому, оврагомъ (притокъ рѣчки Дубнички), простиралась поляна на разстояніи отъ 400 до 600 сажень съ десятками двумя отдѣльныхъ деревьевъ: въ теченіи дѣла оказалось, что турками было въ точности измѣрено разстояніе отъ этихъ деревьевъ до Большаго редута, и потому Финляндцы, пытавшіеся укрыться за этими деревьями, были перебиты *всѣ до послѣдняго*. Отъ оврага до главнаго редута, сначала по довольно крутому скату, было еще отъ 400 до 450 шаговъ; на этомъ скатѣ, въ хорошій бинокль, можно было разглядѣть черныя полоски неправильной формы — то были турецкіе ложементы. Между Большимъ редутомъ и началомъ спуска въ оврагъ простиралось совершенно гладкое плато, безъ всякихъ закрытій, длиной шаговъ на 300—350, подъ которымъ находились, съ разныхъ сторонъ, три мертвыя пространства. Влѣво, подъ тупымъ угломъ, этотъ оврагъ соединялся съ оврагомъ рѣчки Дубнички, за которымъ бѣлѣлись палатки.

Сами турки, впрочемъ, уже стрѣляютъ осмотрительнѣе. Они видимо поджидаютъ смѣльчаковъ нашихъ, выглядывающихъ изъ-за прикрытія. Это подмѣтили и наши. И вотъ, человѣкъ двадцать, тридцать сговариваются: съ громкимъ ура! разомъ, поднимаютъ они на штыкахъ свои шапки, а турки, оторопѣвъ, обсыпаютъ ихъ пулями. Опасаясь штурма и не замѣчая за дымомъ своей ошибки, турки, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, при громкомъ хохотѣ нашихъ гвардейцевъ, безъ умолку посылаютъ цѣлую тучу пуль въ напугавшія ихъ шапки.

Приблизительно въ это же время Московцы тоже стали перебѣгать отъ шосе къ оставленнымъ ложемен-

тамъ и къ разнымъ закрытіямъ: шалашамъ, кучамъ хвороста и прочее *).

И у Московцевъ тоже, подъ сильнымъ огнемъ, происходили бѣготня за патронами и шутки надъ „туркой“, съ поднимаемыми на штыкахъ шапками.

Благодаря перебѣжкамъ, къ тремъ часамъ вечера Лейбъ-Гренадеры стояли: у домика шагахъ въ 40, а на шосе—шагахъ въ 100 отъ главнаго редута.

Вскорѣ затѣмъ, той же солдатской инпціативой, началъ, по немногу, совершаться новый подвигъ. За домикомъ, за шалашами и за кучами хвороста столпились и Лейбъ-Гренадеры, и саперы, и Павловцы и нѣсколько Финляндцевъ, уклонившихся вправо вмѣсто того, чтобы отступить съ полкомъ послѣ неудавшейся атаки. Для всѣхъ этихъ людей уже не было мѣста за прикрытіями, а на такой близкой дистанціи отъ редута нечего было и думать окапываться. И вотъ, одиночные смѣльчаки, бѣгомъ, пустились къ редуту и соскочили въ ровъ лѣваго фаса; замѣтивъ, что, за отсутствіемъ флангового огня, во рву совершенно безопасно отъ пуль, эти „передовые“ позвали товарищей, и вскорѣ собралась во рву толпа офицеровъ и солдатъ всѣхъ полковъ средней и лѣвой колоннъ;—и всѣ эти люди, запыхавшись, молча, но съ лихорадочною поспѣшностью, почти съ ожесточеніемъ, принялись штыками, тесаками, котелками и руками царапать, ковырять и рыть землю эскарпа рва, чтобы устроить въ ней ступени для облегченія штурма.

Между тѣмъ товарищи, оставшіеся внѣ рва, за домикомъ, за шатрами, за шосе и за взятыми у врага

---

*) Въ 11 часовъ утра четвертый баталіонъ Московскаго полка находился въ шоссейной канавѣ.

окопами, мѣткимъ огнемъ своимъ не позволяли туркамъ взбираться на брустверъ, чтобы стрѣлять въ русскихъ, находившихся во рву.

Передъ Павловцами, напротивъ, вся мѣстность была гораздо ровнѣе, представляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество закрытій отъ непріятельскаго огня. Впереди ихъ простирался такой же высокій густой дубовый кустарникъ какъ тотъ, по которому пробирались Лейбъ-Гренадеры и саперы. На другомъ берегу рѣчки мѣстность подымалась тоже довольно круто; опушка кустарника, въ этомъ мѣстѣ, отстояла отъ главнаго редута не болѣе какъ шаговъ на 300, но и это разстояніе, съ южной стороны (къ Чирикову), было разрѣзано насыпью и канавами Софійскаго шосе на двѣ почти равныя части.

И такъ, подъ огнемъ главнаго редута и передовыхъ ложементовъ, по совершенно открытой мѣстности, Финляндцамъ предстояло пройти не менѣе 1800 шаговъ; въ оврагѣ они могли нѣсколько пріютиться въ мертвомъ пространствѣ, но затѣмъ имъ опять приходилось двигаться совершенно открыто до ложементовъ, по довольно крутому подъему и до Большаго редута — по гладкому плато. Между тѣмъ, для Павловцевъ, подъ огнемъ непріятеля, по открытой мѣстности предстояло пройти всего шаговъ 250—350, съ возможностью отдохнуть въ канавахъ шосе.

Этими мѣстными условіями объясняются различныя участи, постигшія каждый изъ этихъ полковъ въ теченіи начинавшагося кроваваго дня.

Вскорѣ открылся пушечный огонь Большаго редута Первые выстрѣлы были по Финляндцамъ. Оба полка двигались быстро, несмотря на кустарникъ. Лѣвая колонна разсыпала стрѣлковъ, но не въ кого было стрѣ-

лять, хотя уже роемъ летали пули. Въ головѣ Финляндцевъ шелъ спачала одинъ 4-й баталіонъ; за тѣмъ, влѣво отъ него, развернулся 1-й баталіонъ; 3-й баталіонъ шелъ во второй линіи. Изъ вторыхъ баталіоновъ обоихъ полковъ составили бригадный резервъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника Рунова. Вскорѣ затрещалъ, вправо отъ 2-й бригады, частый ружейный и пушечный огонь и послышались крики *ура!* То были Гренадеры, штурмовавшіе Малый редутъ. Замѣтивъ сосредоточеніе огня противъ Лейбъ-Гренадеръ, генералъ Розенбахъ повелъ Павловскій полкъ въ атаку, измѣнивъ его первоначальное направленіе: 3 и 4 баталіоны были подвинуты вправо и опять зашли правымъ плечомъ впередъ, дабы составить продолженіе линіи фронта Лейбъ-Гренадеръ, наступавшихъ отъ Чирикова; 1-й баталіонъ продолжалъ движеніе по направленію отъ Телиша. Турки встрѣтили наступающихъ сильнымъ огнемъ. Остановившись у опушки, Павловцы, перебѣжками, дошли до шосе и открыли частый огонь по Большому редуту, уже ясно открывшемуся предъ ними.

Одновременно съ этимъ, подошли къ опушкѣ и Финляндцы. Вслѣдъ за тѣмъ построился по-ротно бригадный резервъ и было отдано приказаніе бросить тяжелыя фашины, обременявшія людей въ продолженіи перехода по холмамъ и оврагамъ. Въ это время, занятіе Лейбъ-Гренадерами Малаго редута уже заставило турокъ покинуть всѣ ихъ позиціи по гребню холма, на лѣвомъ берегу оврага. Воодушевленные побѣдой Лейбъ-Гренадеръ, 1-й и 4-й баталіонъ Финляндцевъ, предводимые храбрыми командирами своими, полковниками Прокопе и Вейсомъ, перешли въ наступленіе, надѣясь разомъ пробѣжать открытое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ

Большаго редута, или найти на этомъ разстояніи какое нибудь закрытіе. Пользуясь болѣе удобною мѣстностью, 1-й баталіонъ успѣлъ добѣжать до мертваго пространства въ оврагѣ и скорѣе, и благополучнѣе 4-го баталіона, потерявшаго, до мертваго пространства, 5 офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Нѣсколько впередъ и правѣе передовыхъ Финляндскихъ баталіоновъ были расположены ложементы, покинутые турками при приближеніи обоихъ баталіоновъ. Для занятія этихъ ложементовъ было послано человѣкъ 30 охотниковъ, подъ начальствомъ поручика барона Функа, блистательно исполнившаго это порученіе, не смотря на адскій огонь непріятеля. Вскорѣ за тѣмъ подоспѣлъ въ то же мертвое пространство и 3-й баталіонъ, полковника Кислинскаго.

Постоянно усиливавшаяся убыль людей, побудила генерала Розенбаха ввести въ боевую линію всѣ роты бригаднаго резерва, за исключеніемъ 5-ыхъ, оставленныхъ подъ командой полковника Борисова, по обѣ стороны и впереди батарей, производившихъ по Большому редуту учащенный огонь. Большое красное пламя, взвиваясь близъ турецкихъ позицій, свидѣтельствовало о дѣйствительности нашего огня.

Отдохнувъ у шосе, Павловцы, съ крикомъ ура! устремились въ атаку на Большой редутъ, по совершенно открытому мѣсту, вправо отъ котораго былъ ясно видѣнъ Малый редутъ, занятый Лейбъ-Гренадерами. Но добѣжать сразу до Большаго редута подъ адскимъ огнемъ непріятеля было невозможно. Большая часть людей залегла за неровностями земли, между шосе и редутомъ; многіе же, принявъ вправо, примкнули къ Лейбъ-Гренадерамъ и Саперамъ, лежавшимъ за насыпями Малаго редута, и участвовали съ ними въ пере-

бѣжкахъ на шосе и къ домику съ бѣлою крышей. Въ числѣ смертельно раненыхъ въ этой атакѣ былъ и полковникъ Руновъ, устремившійся во главѣ трехъ ротъ своего 2-го баталіона на Большой редутъ со стороны Телиша. Значительная убыль людей потребовала тогда введенія въ дѣло даже 5-й роты, оставшейся послѣдней въ резервѣ.

Было около двухъ часовъ, когда Финляндцы, дождавшись также прибытія резервовъ, имѣя во главѣ своего полковаго командира, генерала Лаврова, словно лавина, съ громовымъ, протяжнымъ ура! бѣгомъ рванулись опять впередъ, по совершенно гладкой мѣстности, при свистѣ и визгѣ тысячей пуль. Полкъ пробѣжалъ безъ остановки слишкомъ 100 шаговъ. Но огромная убыль и непреодолимая потребность перевесть духъ послѣ непостижимо быстраго бѣга, вслѣдъ за утомительнымъ переходомъ, принудили Финляндцевъ отойти къ прежнему мѣсту.

Около 12 часовъ, впереди Дубоваго лѣска, лежавшаго сѣвернѣе шосе, былъ раненъ генералъ Розенбахъ, находившійся до того времени при Павловскомъ полкѣ и только что прибывшій къ Финляндскому, чтобы распорядиться новою атакой. Колонной его лично распоряжался съ тѣхъ поръ начальникъ дивизіи графъ Шуваловъ. Далѣе прочихъ зашелъ при этой атакѣ 1-й баталіонъ, полковника Прокопе 3-го, но мѣсто, гдѣ прилегли Финляндцы, было совершенно открыто: въ первыя же секунды этой гибельной остановки было поражено разомъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, многіе нѣсколькими пулями; къ тому же, сюда стали попадать и наши 9-ти фунтовыя шрапнели, перелетавшія чрезъ Большой редутъ. Полковникъ Прокопе былъ раненъ

пулей; тутъ же были ранены поручикъ Пашковскій и многіе другіе офицеры. Оставаться на этомъ мѣстѣ— значило обречь *весь баталіонъ* скорой, неизбѣжной гибели; идти впередъ по открытой мѣстности—было невозможно. Баталіону, буквально, не оставалось иного выбора, какъ отступить: надо было собраться съ силами, чтобы вновь пытаться пробѣжать эту настоящую „Долину Смерти“—какъ прозвали ее наши гвардейцы. Но для оставшейся послѣднею на этомъ ужасномъ мѣстѣ роты поручика Пыхачева отступать можно было только ползкомъ. Такимъ образомъ, 1-й баталіонъ залегъ въ мертвомъ пространствѣ подъ плато, влѣво и почти къ сѣверо-западу отъ Большаго редута, тогда какъ остальные баталіоны залегли въ другомъ такомъ же пространствѣ, болѣе вправо, къ юго-западу отъ редута.

Несмотря на страшныя потери и безвыходно-тяжелое положеніе, и Финляндцы не упустили случая позабавиться надъ непріятелемъ, поднимая разомъ, съ крикомъ ура! нѣсколько шапокъ на штыкахъ...

Нельзя не упомянуть здѣсь о подвигахъ беззавѣтной храбрости рядоваго 2-й роты Киселева, извѣстнаго въ полку подъ прозваніемъ Кисель, за его вялость и сонливость въ мирное время. Его ротный командиръ, нынѣ штабсъ-капитанъ Пыхачевъ, разсказываетъ о немъ слѣдующее *). Когда рота стала отступать, ползкомъ, Кисель просился остаться, „такъ какъ все равно пойдемъ опять на редутъ, и отсюда ближе будетъ бѣжать“. Съ нимъ осталось еще шесть человѣкъ. Чрезъ нѣсколько минутъ. Кисель вернулся къ ротѣ одинъ—всѣ товарищи

*) См. «Сборникъ военныхъ разсказовъ» т. IV.

были убиты. Тутъ узналъ онъ, что сабли поручика Пыхачева и раненаго полковника Прокопе 3-го, также какъ и бинокль послѣдняго, остались на позиціи. Вопреки запрещенію своего офицера, Кисель сбѣгалъ за этими вещами, но принесъ бинокль и только одну саблю; вспомнивъ тогда о забытой имъ другой саблѣ, Кисель, не говоря никому ни слова, опять сбѣгалъ за нею въ самый сильный огонь и принесъ ее. Въ первую побѣжку, Киселю только прострѣлили шапку, во вторую—пуля задѣла его въ голову. Перевязавшись, Кисель продолжалъ стрѣлять, безъ хвастовства ободряя товарищей разсказами о своихъ „вылазкахъ". На другой день послѣ взятія Большаго редута, тѣло Киселя было найдено у самой горжи, пробитое тремя ударами штыка...

Въ резервѣ всей бригады оставалась одна 5-я рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ командой поручика Львова. О ней какъ будто забыли. Но едва прекратился ураганъ непріятельскаго огня, встрѣтившій штурмъ Финляндцевъ, какъ пробиравшійся на перевязочный пунктъ раненый штабсъ-капитанъ Плѣшко сказалъ командиру 5-й роты: „Что вы здѣсь стоите? Мало насъ тамъ!".— Поручикъ Львовъ, не найдя ни полковника Борисова, ни 5-й роты Павловцевъ, рѣшилъ собственной инициативой повесть свою роту къ полку. Однако, дойдя до опушки лѣса, онъ былъ встрѣченъ такимъ сильнымъ огнемъ, что, во избѣжаніе огромной траты людей, направилъ ихъ поодиночно вправо, дабы перебѣжками достигнуть шоссе, вдоль котораго ему предстояла возможность пробраться къ полку почти незамѣтно. На пути встрѣтилъ онъ начальника 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, графа Шувалова, и доложилъ ему о своей рѣшимости. „Прекрасно", отвѣтилъ графъ, „подвигайтесь

осторожнѣе, берегите людей“. Графъ совѣтовалъ „осторожность“ относительно солдатъ, нисколько не заботясь о примѣненіи этого совѣта къ самому себѣ. „Графъ сидѣлъ на лошади спокойно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на массу пуль, направленныхъ въ него; онъ смотрѣлъ на бригаду, облѣпившую лѣвый флангъ турецкой позиціи“. Между тѣмъ, оставаясь верхомъ, графъ Шуваловъ не могъ пользоваться никакими закрытіями, которыми пользовались пѣхотинцы.

Хотя Финляндскому полку, несмотря на повторенныя атаки и страшныя потери, и не удалось приблизиться къ Большому редуту на такое разстояніе, какъ большая часть остальныхъ полковъ, но, нападая какъ разъ противъ самаго слабаго мѣста Большаго редута, то-есть противъ его горжи, онъ возбуждалъ сильнѣйшія опасенія непріятеля и сосредоточивалъ все время противъ себя самый сильный его огонь,—чѣмъ значительно облегчалось наступленіе остальныхъ частей на Большой редутъ. Но кромѣ привилегіи стоять подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, Финляндцамъ досталась самая трудная изо-всей окружающей Большой редутъ мѣстность.

Въ $6^1/_4$ часовъ утра выступила и правая колонна съ привала послѣ переправы на лѣвый берегъ Вида. Во главѣ шелъ Императорскій Конвой, предводимый полковникомъ Жуковымъ. Направляясь прямо къ Софійской дорогѣ между обоими Дубняками, правой колоннѣ предстоялъ путь по кукурузнымъ полямъ, покрытымъ липкою грязью. Движеніе производилось съ возможною поспѣшностью; тѣмъ не менѣе, хотя люди выбились изъ силъ, стараясь ускорить движеніе, колонна все-таки опоздала

минутъ на двадцать противъ разсчитаннаго начальникомъ отряда времени. Опасаясь, съ приближеніемъ къ шосе, подвергнуться огню укрѣпленій Горнаго Дубняка, начальникъ колонны, генералъ Эллисъ 1-й, приказалъ держаться нѣсколько правѣе. Не доходя до шосе, конвойцы были встрѣчены сначала черкесами, за тѣмъ и пѣхотою, расположенною въ ложементахъ, впереди шосе. Въ одно мгновеніе, конвойцы погнали черкесовъ и завязали перестрѣлку даже съ пѣхотой, причемъ былъ раненъ пулей полковникъ Жуковъ; между тѣмъ со стороны Дольняго Дубняка было получено извѣстіе о наступленіи оттуда одного табора. Для его отраженія, генералъ Эллисъ 1-й послалъ 2-й баталіонъ Гвардейской Стрѣлковой бригады, подъ командой флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Сильнымъ огнемъ турки два раза пытались остановить натискъ гвардейскихъ стрѣлковъ, но въ безпорядкѣ бѣжали въ Дольній Дубнякъ.

Не доходя до шосе, стрѣлковая колонна зашла правымъ плечомъ впередъ, съ цѣлью стать фронтомъ къ укрѣпленіямъ Горнаго Дубняка и построилась въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи Л.-Гв. 1-й стрѣлковый Его Величества и 3-й стрѣлковый Финскій баталіоны, а во второй—Л.-Гв. 4-й Императорской Фамиліи баталіонъ, на высотѣ слѣдовавшихъ при немъ шести батарей 1 и 2 Л.-Гв. артиллерійскихъ бригадъ.

Было около 8½ часовъ, когда съ лѣвой стороны колонны послышались громъ орудій и быстро усиливавшійся трескъ ружейнаго огня.—Вступали въ дѣло Лейбъ-Гренадеры. Такъ какъ тогда уже ясно было видно очертаніе Большаго редута, то на позиціи, выбранной полковникомъ Пузыревскимъ, батареи снялись съ передковъ, саженяхъ въ 1200 отъ непріятеля.

Быстро двигавшіеся впередъ баталіоны прошли мимо генерала Гурко, остановившагося тутъ на высокомъ холмѣ для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Туда же была передвинута наша артиллерія, по приказанію генерала Эллиса 1-го. По свидѣтельству нѣкоторыхъ офицеровъ Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады, позиція эта была въ полномъ смыслѣ слова „идеальна". „Курганъ, въ центрѣ ея возвышавшійся, представлялъ превосходный наблюдательный пунктъ. Впереди разстилалось, повидимому, открытое ровное поле, слегка склоняющееся и затѣмъ возвышающееся къ редуту. Съ вершины кавальера, высоко поднятаго надъ редутомъ, по временамъ вырывались клубы пороховаго дыма. Гребень бруствера окаймлялся сплошною бѣловатою лентою. Вскорѣ всѣ 16 орудій разразились оживленнымъ шрапнельнымъ огнемъ. Потрясающимъ было дѣйствіе артиллерійскаго огня изъ 16-ти орудій, имѣющихъ неограниченное количество боевыхъ припасовъ, да еще такихъ, какъ 9-ти фунтовая шрапнель, съ разстоянія, представляющаго этому огню полнѣйшую дѣйствительность. Непріятельскій огонь, казавшійся по своей силѣ весьма серьезнымъ, ко всеобщему удивленію, во все время пребыванія двухъ батарей на позиціи у кургана, не поглотилъ ни единой жертвы. Между тѣмъ, на батареяхъ работа кипѣла и безнаказанно совершалось истребленіе непріятеля. Вотъ уже умолкли непріятельскія орудія. Казалось, все предвѣщало счастливый день"... Вскорѣ послѣдовало приказаніе генерала Гурко выдвинуть батареи ближе къ непріятелю. Стройно и хладнокровно, словно на ученіи, было исполнено это приказаніе. Спускаясь съ холма батареи потеряли изъ виду сначала брустверъ редута, а за тѣмъ и кавальеръ. Пришлось подниматься по пока-

тости, на вершинѣ которой стоялъ редутъ. Только въ 300 саженяхъ отъ него открылись опять и кавальеръ, и брустверъ. Батареи стали на позицію и открыли огонь шрапнелью, оставивъ передки и ящики въ 150 шагахъ назади, подъ закрытіемъ впадины. Но тутъ турки устремили на батареи настоящую тучу свинца *).

Послѣ полудня ординарецъ принесъ приказаніе прекратить огонь. Артиллеристы кое какъ стали укрываться за насыпями ложементовъ, оставленныхъ турками. „Лишь только батарея перестала дѣйствовать, замолкъ и непріятельскій редутъ. Все стихло. Непріятель проявлялъ величайшую чуткость. Стоило хоть одному приподняться изъ-за насыпи — редутъ моментально разражался взрывомъ ружейнаго огня. Въ 6-мъ орудіи, отъ частой стрѣльбы, образовался прорывъ пороховыхъ газовъ. Въ то время, когда вся прислуга находилась за насыпью, канониръ Колесниковъ подошелъ къ своему орудію, неторопливо вычистилъ замокъ, подложилъ подъ плитку пластинку, и все это подъ сильнымъ огнемъ, направленнымъ противъ его одного. Въ началѣ двѣнадцатаго часа подъѣхалъ къ батареѣ генералъ Бреверпъ, сопровождаемый своимъ адъютантомъ, штабсъ-капитаномъ Ляпуновымъ. По приказанію командующаго батареею, прислуга была вызвана къ орудіямъ для встрѣчи начальника. Но и непріятель, замѣтивъ движеніе на батареѣ, оказалъ генералу своего рода встрѣчу, открывъ немедленно учащенный огонь по батареѣ. Генералъ приказалъ людямъ снова укрыться

---

*) Въ это время былъ раненъ командиръ батареи 1-й бригады полковникъ Семеновъ и убитъ капитанъ батареи 2-й бригады Подгаецкій.

за насыпь. Капитанъ Андріановъ, подробно доложивъ генералу о настоящемъ положеніи батареи, предложилъ возвратить ее на прежнюю позицію, у кургана. Согласившись съ этимъ предложеніемъ, генералъ Бревернъ приказалъ батареямъ отступить на прежнюю позицію. Въ виду сбереженія лошадей, капитанъ Андріановъ приказалъ людямъ на рукахъ отвести орудія къ передкамъ.— По возвращеніи на прежнюю свою позицію, батареи продолжали бездѣйствовать изъ опасенія поражать своихъ.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о Лейбъ-Гвардіи 1-мъ Стрѣлковомъ Его Величества баталіонѣ, прикрывавшемъ батарею. Подойдя, подъ градомъ пуль, не дѣлая ни одного выстрѣла, на дистанцію 400 шаговъ къ непріятелю, цѣпь залегла частью за валикомъ шосе, частью въ траншеяхъ, оставленныхъ непріятелемъ. Попытка командира баталіона, флигель-адъютанта полковника Эбелинга, атаковать редутъ кончилась неудачно: бросившіеся впередъ стрѣлки должны были уступить свинцовому граду со стороны врага, причемъ полковникъ Эбелингъ былъ смертельно раненъ въ ногу. Турецкіе выстрѣлы не давали стрѣлкамъ никакой возможности унести своего командира до конца боя и все это время раненый лежалъ между „своими“ и непріятелемъ—лежалъ съ заряженнымъ револьверомъ въ рукѣ, приберегая послѣдній выстрѣлъ для рѣшительной минуты... Кромѣ того, въ 1-мъ баталіонѣ были ранены: командиръ роты Его Величества капитанъ Скарятинъ, адъютантъ поручикъ Совримовичъ и командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Арсеньевъ. Получивъ вражью пулю въ руку, Арсеньевъ перевязался и остался во фронтѣ. Цѣпь легла—легъ и Арсеньевъ;

какой-то солдатикъ сложилъ шинель и прикрылъ ею голову начальника.

— Убери шинель прочь, приказалъ Арсеньевъ.

То были послѣднія слова лихаго командира; едва убрали шинель—турецкая пуля ударила его въ голову и убила на поваль.

Между тѣмъ, первая линія стрѣлковъ наступала поротно подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, обратившаго свою артиллерію противъ батарей правой колонны. Во время движенія, 3-й баталіонъ и часть 1-го уклонились влѣво; большая же часть 1-го и весь 4-й приняли вправо, желая воспользоваться мѣстными прикрытіями. Благодаря этому уклоненію, почти три роты 1-го баталіона и весь 4-й укрылись въ лощинѣ отъ взоровъ непріятеля, хотя и подвергались еще навѣсно падавшимъ пулямъ. По свидѣтельству полковника Пузыревскаго, турецкія пули уже имѣли значительную силу *даже на 2400 шаговъ;* на этомъ разстояніи, одна изъ нихъ погнула саблю, пробила толстое пальто, прострѣлила насквозь ногу, на четверть отъ паха, и еще разъ пробила пальто молодаго офицера! *).

При такой неимовѣрной дальности турецкой пули, у стрѣлковъ постоянно возрастало число раненыхъ и убитыхъ, несмотря на закрытіе, по которому они двигались. Дойдя до оставленной турками траншеи, стрѣлки прилегли, и продолжали перестрѣливаться съ непрія-

---

*) Полковникъ Пузыревскій приписываетъ эту силу турецкой пули не однимъ качествамъ ружья и дѣйствію навѣсной стрѣльбы, но также и отличному качеству турецкаго пороха.

телемъ. Правѣе стрѣлковъ, отъ селенія Горный Дубнякъ, мимо редута, шагахъ въ 300 отъ него, круто спускалась лощина; на вершинѣ крутаго подъема отъ лощины къ редуту виднѣлись занятые непріятелемъ ложементы, въ нѣкоторомъ отдаленіи, за лощиной, гремѣла по редуту казачья батарея.

Такъ какъ въ это время баталіонъ полковника Грипенберга, прогнавъ турокъ, вышедшихъ изъ Дольняго Дубняка, уже могъ служить резервомъ боевой линіи стрѣлковъ, наступающей противъ Большаго редута, то генералъ Эллисъ 1-й приказалъ 4-му Л.-Гв. Стрѣлковому баталіону Императорской Фамиліи войти въ первую линію. Исполняя это приказаніе, командиръ 4-го баталіона, флигель адъютантъ, полковникъ графъ Клейнмихель, по совѣту полковника Пузыревскаго, продолжалъ движеніе по лощинѣ; причемъ стрѣлки увидали извѣстнаго подпоручика Финляндскаго полка барона Функа, стоявшаго съ 30 солдатами близь турецкаго люнета. Отважный баронъ Функъ навязалъ платокъ на штыкъ и дѣлалъ сигналы подходившимъ стрѣлкамъ. Дойдя до высоты люнета, графъ Клейнмихель быстро повернулъ баталіонъ фронтомъ къ непріятельскому укрѣпленію, занялъ его и лихо погналъ турокъ къ ложементамъ и Большому редуту.

Занявъ люнетъ, графъ Клейнмихель вызвалъ лучшихъ стрѣлковъ, чтобы пристрѣляться къ редуту. Вскорѣ было замѣчено, что въ ложементѣ, шагахъ въ 70 отъ нашего расположенія, копошились турки; сзади вала была расположена линія шалашей, также служившая прикрытіемъ непріятелю. У стрѣлковъ мелькнула мысль занять ложементы. За дѣло взялись: командиръ 2-й роты капитанъ Фрезеръ, батальонный адъютантъ (нынѣ фли-

гель-адъютантъ) штабсъ-капитанъ Сперанскій, исправлявшій должность квартермистра, прапорщикъ Климовъ, поручикъ Вильсонъ и подпоручики Адамовичъ и Арбузовъ. Дѣло предстояло жаркое: не даромъ промежутокъ между люнетомъ и ложементомъ солдаты звали „Чортовымъ пространствомъ“. Напомнивъ стрѣлкамъ данное Царю обѣщаніе заслужить Георгіевское знамя, офицеры кинулись впереди солдатъ и выбили непріятеля изъ ложементовъ *)...

Исполнили стрѣлки свое солдатское слово. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ: 25 ноября 1878 года 4-й стрѣлковый баталіонъ Императорской Фамиліи праздновалъ пожалованіе заслуженнаго знамени...

По занятіи ложементовъ и шалашей, нижнимъ чинамъ приказано было стрѣлять только по выдвигавшимся изъ-за прикрытія туркамъ. Скоро подвернулся и случай показать стрѣлковую удаль. Близь редута находился транспортъ съ боевыми припасами; истощивъ наличный запасъ патроновъ, турки стали выходить изъ редута къ транспорту, чтобы запастись зарядами. Немногимъ, однако, удалось попользоваться запасными патронами: штуцеръ Императорскаго стрѣлка хваталъ мѣтко и сослужилъ хорошую службу удалому гарнизону ложемента.

Спустя часъ-другой времени, положеніе нашихъ стрѣлковъ, занявшихъ ложементъ и линію шалашей, осложнилось: къ пороховому дыму сталъ замѣтно примѣшиваться запахъ гари, обычной предвѣстницы по-

---

*) При этомъ были ранены подпоручики Адамовичъ и Арбузовъ.

жара. Турецкіе снаряды зажгли сучья и хворостъ, въ шалашахъ показался огонь... Дѣло могло кончиться плохо, ради массы разсыпанныхъ турецкихъ патроновъ, но принятыми мѣрами пожаръ былъ скоро потушенъ.

Около $11^1/_2$ часовъ, по личному приказанію генерала Гурко, былъ введенъ въ первую линію и только-что прибывшій изъ подъ Дольняго Дубняка 2-й Л.-Гв. Стрѣлковый баталіонъ, примкнувшій къ 4-му баталіону Императорской Фамиліи. Мало по малу, вся боевая линія стрѣлковъ, изъ ротныхъ колоннъ, развернулась въ одну цѣпь, мѣстами прерываемую значительными интервалами. Нѣкоторыя части правой колонны находились въ 600 шагахъ отъ Большаго редута, преимущественно на открытой мѣстности, занимаемой лѣвымъ флангомъ ея боевой линіи, уклонившись слишкомъ вправо отъ батарей; другія, пользуясь мертвымъ пространствомъ подъ крутизной праваго фланга и отбитыми у непріятеля ложементами, подошли къ редуту шаговъ на 150. Хотя въ это время, меткимъ огнемъ нашей артиллеріи, непріятельскія орудія уже принуждены были молчать, но идти далѣе было невозможно, такъ какъ вся предстоявшая для атаки мѣстность была совершенно открыта, и стрѣлки неминуемо подверглись бы той же участи, какой подвергались Финляндцы. По свидѣтельству полковника Пузыревскаго, „какой-то инстинктъ говорилъ каждому, что еще не настала рѣшительная минута. Психологическій фактъ чрезвычайно замѣчательный! Выраженіе лицъ, отдѣльныя замѣчанія и прочіе признаки, часто, повидимому, неуловимые, почти безошибочно предсказываютъ результатъ критическаго, рѣшительнаго предпріятія!“

Между тѣмъ, отъ генерала Гурко, подъ самымъ огнемъ

зорко слѣдившаго за ходомъ дѣла, не ускользнули значительные интервалы въ цѣпи Гвардейской Стрѣлковой бригады. Моментъ же для штурма, повидимому, необходимо было ускорить. Съ каждой минутой можно было ожидать выступленія значительныхъ силъ изъ Плевны. Правда, для избѣжанія подобнаго усложненія, генералъ Гурко испросилъ у Главнокомандующаго, чтобы, одновременно съ атакой укрѣпленій на Софійской дорогѣ, были произведены и усиленное бомбардированіе Плевны, и энергическія демонстраціи на правомъ берегу Вида. Великій Князь одобрилъ эти предположенія и предписалъ: генералу Скобелеву занять въ этотъ день „Рыжую Гору", а Л.-Гв. Волынскому полку съ 1 баталіономъ Л.-Гв. Московскаго, изъ Медована, атаковать турецкіе верки у селенія Трнина. При всемъ томъ, зная силу Плевненскихъ позицій, генералъ Гурко имѣлъ полный поводъ предполагать, что, даже отдѣливъ для защиты ихъ необходимое число войска, Османъ-паша могъ предпринять что-либо рѣшительное и на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью выручить гарнизонъ Горнаго Дубняка. Для отраженія подобнаго предпріятія были оставлены противъ Дольняго Дубняка три полка 1-й Гвардейской дивизіи и значительныя массы кавалеріи, въ надеждѣ, что остальныхъ войскъ будетъ достаточно для овладѣнія Горнымъ Дубнякомъ. Но къ 2 часамъ пополудни эта надежда еще не оправдалась. Штурмъ лѣвой колонны былъ отбитъ. Средней колоннѣ хотя посчастливилось занять и Малый редутъ, и шоссе, и другія закрытія на самой близкой дистанціи отъ Большаго редута, но о завершеніи этого блестящаго успѣха новымъ штурмомъ, до полученія подкрѣпленій—было немыслимо. Въ обѣихъ этихъ колоннахъ страшная убыль и утомленіе

людей тормазили всякое дальнѣйшее предпріятіе. Въ это же время было получено извѣстіе объ энергическомъ отпорѣ, встрѣченномъ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ предъ Телишемъ. Тамъ, слѣдовательно, у непріятеля были силы, далеко превышавшія наши предположенія. Какъ велики были эти силы — никто этого знать не могъ. Но самый фактъ отступленія Лейбъ-Егерей, вопреки несомнѣнно оказанному ими геройству, указывалъ на возможность непріятеля выступить и съ этой стороны на выручку Горнаго Дубняка...

Такимъ образомъ, генералу Гурко прежде всего приходилось обезпечить свой отрядъ отъ возможности стать между двумя огнями: изъ Дольняго Дубняка и изъ Телиша. Единственнымъ средствомъ исполнить эту задачу, было поспѣшить, во чтобы ни стало, овладѣніемъ Большаго редута. Полагаясь на 1 бригаду 1-й Гвардейской дивизіи и на многочисленную кавалерію для задержанія наступленія непріятеля со стороны Плевны, генералъ Гурко, въ виду этихъ соображеній, приказалъ Л.-Гв. Измайловскому полку оставить свою первую позицію и войти въ боевую линію противъ Большаго редута.

Прибывъ на позицію позднѣе прочихъ колоннъ и ставъ фронтомъ къ Дольному Дубняку, воодушевленные напутственнымъ Царскимъ благословеніемъ и великими преданіями своего боеваго прошлаго Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій полки долго надѣялись, что Османъ-паша, изъ Плевны, дастъ и имъ

случай пожать новые лавры. Но Османъ не оправдалъ въ этомъ случаѣ своей репутаціи: при тогдашнемъ блестящемъ состояніи его арміи, онъ могъ бы предпринять многое для выручки Горнаго Дубняка, но не предпринялъ ровно ничего, такъ какъ былъ введенъ въ заблужденіе демонстраціями около Плевны и полагалъ, что мы будемъ опять штурмовать ее. Между тѣмъ, вдали слышались потрясающіе звуки пушечнаго и ружейнаго огня: предъ Горнымъ Дубнякомъ горѣла битва. Невольное чувство зависти къ участвовавшимъ въ ней товарищамъ по 2-й дивизіи, стрѣлкамъ и саперамъ, усиливало тягостное разочарованіе, томившее лихихъ Преображенцевъ, Семеновцевъ и Измайловцевъ, напрасно ожидавшихъ появленія войскъ Османа. Но вотъ прискакалъ адъютантъ начальника отряда съ радостнымъ извѣстіемъ: Измайловцамъ велѣно выступить на поддержку сражающихся товарищей! Преображенцамъ и Семеновцамъ же не привелось идти въ бой, но за то имъ выпалъ удѣлъ служить защитою товарищей, задерживая напоръ грозныхъ полчищъ Османа. „Живо и весело поднялись баталіоны. Здѣсь, подъ огнемъ, на глазахъ смерти, все воротилось къ старому, къ школьной выправкѣ“. Дѣйствительно, если вдали отъ непріятеля иногда и полезно не обременять людей излишнею формальностью, то подъ огнемъ все должно быть какъ на ученіи: по свидѣтельству всѣхъ бывавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ и самихъ нижнихъ чиновъ—этимъ не только устанавливается порядокъ, но и устраняется то тяжелое чувство ожиданія „незнакомаго“, такъ какъ уставныя командныя слова, требованіе равненія и выправки разомъ переносятъ людей съ ожиданія „незнакомаго“ на вполнѣ знакомую имъ почву практиче-

скаго ученія. Не даромъ указывалъ на это и опытный въ боевомъ дѣлѣ генералъ Гурко, обращаясь къ гвардейскимъ солдатамъ.

Командиръ Л.-Гв. Измайловскаго полка, генералъ Эллисъ 2-й, лично повелъ первые два баталіона своего полка. На правомъ флангѣ шелъ 3-й баталіонъ, лѣвѣе его—4-й; оба шли поротно въ двѣ линіи. Пройдя шосе, Измайловцы услышали свистъ пуль. Вскорѣ понеслись онѣ цѣлымъ роемъ.... Но около 11³/₄ часовъ генералъ Гурко выѣхалъ впередъ, къ оставленному турками ложементу, дабы высмотрѣть вблизи расположеніе войскъ. Было 12³/₄ часовъ, когда 4-й баталіонъ Измайловцевъ сталъ проходить мимо генерала Гурко. „Лѣвой, лѣвой“, вполголоса повторяли ротные командиры. Во главѣ баталіона, на конѣ, ѣхалъ командиръ его, полковникъ Ковалевскій. „Шапки долой!“ скомандовалъ онъ, „въ добрый часъ, братцы! не посрамимъ своихъ дѣдовъ— Бородинскихъ героевъ!“... Люди перекрестились, быстро и стройно продолжая движеніе. Лѣвымъ флангомъ баталіонъ упирался на шосе, правымъ—примыкалъ онъ къ первому полубаталіону Л.-Гв. Стрѣлковаго баталіона. Полковой командиръ шелъ при 16-й ротѣ. Но общаго управленія обоими баталіонами Измайловцевъ въ правой колоннѣ не было, такъ какъ они были разрознены отдѣльною частью стрѣлковъ. 3-й баталіонъ шелъ правѣе послѣднихъ, частью по ровному мѣсту, частью по покатости лощины, спускавшейся въ Дубничку. Поровнявшись со стрѣлками, оба баталіона были остановлены и положены шагахъ въ 700 отъ Большаго редута. Тутъ только открыли Измайловцы огонь, не по турецки, обсыпая врага пулями, а прицѣльный, рѣдкій, какъ слѣдуетъ при наступленіи, когда невозможно запасаться

такимъ количествомъ патроновъ, чтобы въ продолженіи многихъ часовъ дѣлать выстрѣловъ по десяти въ минуту.

Начальникъ колонны и вся его свита были восхищены замѣчательнымъ хладнокровіемъ и осмотрительностью, съ какими Измайловцы, словно на практической стрѣльбѣ, открыли этотъ первый огонь противъ турокъ. Дѣло, однако, не обошлось безъ несчастія. Не успѣвъ опознаться на только что занятой позиціи, люди 3-го баталіона приняли за врага—людей 4-го Л.-Гв. Стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, занимавшихъ турецкіе ложементы, на оконечности нашего праваго фланга, въ направленіи, почти вертикальномъ къ Измайловцамъ, но значительно впереди ихъ, и открыли по нимъ огонь. Порученіе остановить этотъ огонь было возложено графомъ Клейнмихелемъ на извѣстнаго уже поручика Климова. Въ 300 шагахъ отъ непріятеля, подъ адскимъ огнемъ, этотъ безстрашный офицеръ, верхомъ, проскакалъ отъ своего баталіона прямо къ Измайловцамъ и закричавъ: „Измайловцы, не стрѣлять! Свои, свои!“, преспокойно вернулся шагомъ, тѣмъ же путемъ, на свое мѣсто *).

Изъ двухъ остальныхъ Измайловскихъ баталіоновъ, второй былъ направленъ генераломъ Гурко на поддержаніе средней колонны. Онъ двинулся прямо на саперъ, находившихся подъ командою штабсъ-капитана Чудов-

---

*) При послѣднемъ штурмѣ, поручикъ Климовъ былъ раненъ и лишился руки. Обстоятельство это не помѣшало храброму офицеру возвратиться въ свой баталіонъ, гдѣ онъ и понынѣ находится *въ строю*.

скаго, лѣвѣе Московцевъ. О необыкновенной силѣ огня противъ 2-го баталіона Измайловцевъ свидѣтельствуютъ и Л.-Гв. саперы 4-й роты, чрезъ которыхъ несся этотъ ураганъ свинца. Генералъ Брокъ приказалъ пропустить Измайловцевъ чрезъ линію саперъ. Пройдя нѣсколько впередъ, Измайловцы, по командѣ своихъ начальниковъ, остановились и залегли за ложементами, оставленными турками, правѣе и нѣсколько сзади Малаго редута. Одна лишь 8-я рота, при наступленіи, значительно уклонилась влѣво и попала за лѣвый флангъ Малаго редута.

Что касается 1-го баталіона Л.-Гв. Измайловскаго полка, то ему пришлось сдѣлать довольно большое обходное движеніе...

Свидѣтели этого наступленія четырехъ баталіоновъ Измайловцевъ, отзывались съ восторгомъ о стройности, порядкѣ и воодушевленіи, съ какимъ этотъ славный полкъ 1-й Гвардейской дивизіи продолжалъ свое наступленіе, безъ малѣйшаго вниманія къ граду пуль, его обсыпавшему.

Измайловцы были введены въ боевую линію не съ тѣмъ, чтобы немедленно идти на штурмъ. Поэтому они и получили приказаніе прилечь въ ожиданіи общаго штурма всѣми войсками, обложившими Большой редутъ. Съ прибытіемъ Измайловцевъ, всѣ интервалы были пополнены, пострадавшая отъ убыли боевая линія была въ трехъ мѣстахъ подкрѣплена свѣжими силами. Атакующія войска, за исключеніемъ одного Л.-Гв. Финляндскаго полка, занимали послѣднія закрытія, отдѣлявшія ихъ отъ непріятеля; между этими закрытіями и редутомъ простиралось почти совершенно голое про-

странство, на которомъ, повидимому, не была возможна ни одна секунда остановки, даже для одной роты, въ полномъ составѣ. Какъ уже сказано, пространство это занимало: предъ находившимися на оконечности нашего праваго фланга 2-мъ и 4-мъ баталіонами стрѣлковъ— отъ 250 до 300 шаговъ; постепенно расширяясь, это пространство достигало предъ 3-мъ и 4-мъ баталіонами Измайловцевъ и 1-мъ и 3-мъ баталіонами стрѣлковъ— отъ 500 до 800 шаговъ; предъ 2-мъ баталіономъ Измайловцевъ, 4-ю и Его Высочества ротами саперъ и Московскимъ полкомъ это пространство не превышало 300 до 400 шаговъ; Лейбъ-Гренадеры, 2-я рота саперъ, Павловцы, укрываясь за шосе, за домикомъ, за шалашами и проч., лежали отъ Большаго редута не болѣе, какъ въ шагахъ отъ 40 до 100; резервы оставались въ Маломъ редутѣ, шагахъ въ 180 отъ Большаго. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, на долю котораго выпала почти непреодолимо трудная задача, лежалъ шагахъ въ 400— 450 отъ Большаго редута.

Пропустивъ впередъ 4-й баталіонъ Измайловцевъ, генералъ Гурко, въ сопровожденіи генерала Нагловскаго, двухъ ординарцевъ и двухъ казаковъ, направился къ батареѣ средней колонны, гдѣ лично передалъ генералу Броку приказаніе объ общемъ штурмѣ. Свиту же свою начальникъ оставилъ на курганѣ за правой колонной, дабы не подвергать ее безполезной опасности. Было около половины втораго, когда генералъ Гурко, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ и не выходя изъ раіона сильнаго ружейнаго огня, отправился къ колоннѣ графа Шувалова. Въ началѣ третьяго прибылъ онъ къ батареямъ лѣвой колонны. Эти батареи—къ которымъ въ то время присоединились и отозванная отъ 1-й гвардейской

кавалерійской бригады, съ половины дороги до Телиша, 2-я Л.-Гв. Конная батарея *)—уже были выдвинуты на высоту, въ 730 саженяхъ отъ Большаго редута. На этой высотѣ, генералъ Гурко видѣлся съ графомъ Шуваловымъ, уже потерявшимъ, ранеными, своего начальника штаба, полковника Скалона, и трехъ ординарцевъ, и передалъ ему распоряженія,—общимъ натискомъ покончить немедленно съ Большимъ редутомъ. Чтобы слѣдить за ходомъ готовившейся аттаки, генералъ Гурко остался на курганѣ, съ вершины котораго, гремѣли 22 орудія лѣвой колонны, а графъ Шуваловъ поспѣшилъ къ своей колоннѣ, дабы лично принять всѣ мѣры къ предстоявшему штурму. Состояли же эти мѣры въ слѣдующемъ: окончательнымъ сигналомъ къ общей атакѣ должны были служить три залпа съ батарей правой колонны, которымъ должны были предшествовать собственно для приготовленій къ общей атакѣ, сначала три залпа батарей лѣвой колонны, затѣмъ—три залпа батарей средней колонны. Всего, слѣдовательно, *девять залповъ*. Часа, для начала залповъ, назначено не было. Первый залпъ, съ батарей лѣвой колонны, долженъ былъ состояться по приказанію графа Шувалова, когда *всѣ войска его колонны окажутся вполнѣ готовыми къ штурму*. Также и генералъ Брокъ, услышавъ залпы лѣвой колонны, только тогда долженъ приказать своимъ батареямъ повторить эти залпы, когда все въ его колоннѣ окажется готовымъ къ штурму.

---

*) Намъ извѣстно за вѣрное, что только вслѣдствіе описки, вмѣсто 2-й конной батареи, въ реляціи упомянуто о 5-й Л.-Гв. конной батареѣ, которая, въ это время, дѣйствовала предъ Телишемъ.

Войска должны идти на штурмъ по *девятому* залпу, съ батарей правой колонны. По свидѣтельству многихъ очевидцевъ, какъ разъ въ это время наступило нѣкоторое затишье въ перестрѣлкѣ: вмѣсто одного протяжнаго и раздирающаго треска, слышались лишь одиночные выстрѣлы. Обстоятельство это казалось особенно благопріятнымъ для такого исполненія общаго распоряженія генерала Гурко, такъ какъ этимъ, повидимому, устранялась возможность всякаго акустическаго обмана при залпахъ, сначала 22-ю орудіями, затѣмъ, два раза, 16-ю орудіями. Генералъ Эллисъ 1-й поручилъ полковнику Пузыревскому написать приказаніе о залпахъ командиру 6-ой батареи Л.-Гв. 1-й и 2-й артиллерійскихъ бригадъ. Полковникъ Пузыревскій написалъ слѣдующее: „По приказанію генерала Гурко, три батареи, а именно: отряда генерала Розенбаха, генерала Зеделера и моего, дадутъ каждая *по три залпа*, начиная съ батареи генерала Розенбаха и кончая вашей. Послѣдній вашъ залпъ долженъ служить *сигналомъ общей атаки*. При стрѣльбѣ имѣйте въ виду, что ваши снаряды могутъ попасть въ 4-й стрѣлковый баталіонъ, находящійся на правомъ моемъ флангѣ". Означенные курсивомъ слова были подчеркнуты. Записка была подписана генераломъ Эллисомъ 1-ымъ. Съѣздившій съ этой запиской казачій сотникъ возвратилъ записку обратно. „Ну что, прочелъ полковникъ?" спросилъ генералъ Эллисъ.—„Два раза прочелъ", отвѣтилъ сотникъ, „сказалъ, что понялъ и отдалъ мнѣ записку назадъ, говоря, что она болѣе ему не нужна".

По примѣру полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, всѣ офицеры объяснили людямъ значеніе предстоявшихъ залповъ.

Настало торжественное ожиданіе.

Вотъ—грянулъ залпъ, за нимъ другой, третій...

Приблизительно, это произошло около трехъ часовъ...

Но вмѣсто того, чтобы начаться съ лѣвой колонны, залпы были начаты батареей правой колонны, той самой, которая должна была дать роковой *девятый* залпъ, окончательный сигналъ общаго штурма. Что это значило? Не произошло ли перемѣны въ порядкѣ залповъ? Или послѣдній залпъ правой колонны, хотя и не *девятый*, а *третій*, все долженъ имѣть значеніе *девятаго* залпа? *) Турецкій огонь участился до крайности. Въ отвѣтъ на него поднялась и у насъ оглушающая стрѣльба; въ сливавшемся въ одинъ непрерывный громъ звукѣ слишкомъ десятка тысячъ выстрѣловъ уже нельзя было различить даже и залповъ цѣлыхъ батарей! Многимъ послышался рядъ залповъ послѣ трехъ первыхъ; другіе не слышали ни одного. Генералъ Эллисъ 1-й рѣшилъ дожидаться остальныхъ шести залповъ, предполагая, что теперь всѣ будутъ считать ихъ справа на лѣво. Въ этомъ смыслѣ отдавалъ онъ приказанія, обходя ближайшій участокъ цѣпи, давая наставленія и готовя горнистовъ къ одновременной подачѣ сигнала атаки. Вдругъ, правѣе Измайловцевъ, затрубили атаку. Измайловскіе горнисты переняли сигналъ справа налѣво,

---

*) Вотъ что говорится по поводу этихъ залповъ въ рукописи полковника Хитрово:

«На позиціи у кургана», сказано въ этой рукописи, «было 8 орудій 6-й бат. Л.-Гв. 1-й Арт. бриг. и 4 орудія 6-й бат. Л.-Гв. 2-й Арт. бриг.; всего 12 орудій. Командовалъ этою сводною батареей полковникъ Скворцовъ, который и получилъ отъ генерала Эллиса 1-го приказаніе *дать три залпа послѣ шести залповъ*, сдѣланныхъ батареями отрядовъ генераловъ Розенбаха и Зедде-

и вотъ раздается рядъ послѣдовательныхъ криковъ ура!—криковъ отрывочныхъ, какъ и самыя кучки, однѣ за другими вскакивавшія изъ-за закрытій и бѣгомъ устремлявшіяся на непріятеля. подъ его учащеннымъ огнемъ. 4-й баталіонъ Измайловцевъ, по командѣ начальниковъ, пошелъ на штурмъ дружно и стройно. Полковой, баталіонные и ротные командиры, сабли на голо, шли впереди цѣпи. „Стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ грохота мартинокъ и шума летѣвшихъ пуль", писалъ объ этой атакѣ очевидецъ, „не градъ пуль, а стѣна свинца неслась на встрѣчу наступающимъ Измайловцамъ, но они шли ровнымъ дружнымъ шагомъ. Невольно только головы у всѣхъ наклонились впередъ и, подавъ весь корпусъ на колѣна, словно протискиваясь сквозь густую массу чего-то, шли они въ гору. Оказалось, что предъ редутомъ стоялъ открыто на ногахъ одинъ 4 баталіонъ Измайловскаго полка; очевидно, атака не могла продолжаться при такихъ условіяхъ"... По командѣ ротныхъ командировъ, люди прилегли за сплошной ложементъ, продолжая упираться лѣвымъ флангомъ па шосе. До редута оставалось еще отъ 400 до 450 шаговъ. Ждали новыхъ залповъ...

лера. Вскорѣ съ правой стороны послышался отдаленный гулъ. Былъ-ли то артиллерійскій залпъ, или взрывъ ружейнаго огня? Считать-ли его однимъ изъ усиленныхъ залповъ, или-же онъ являлся неожиданно, вслѣдствіе случайности? Всѣ замерли въ ожиданіи, и вдругъ, въ повтореніе сигнала съ правой стороны, отчетливо и ясно, раздался залпъ въ лѣвой сторонѣ. Затѣмъ, все смѣшалось. Съ обѣихъ сторонъ слышались и артиллерійскіе залпы, и усиленная ружейная трескотня по всей линіи, и па все это взрывъ отвѣтнаго огня изъ редута. Совершенно сбившись въ счетѣ и боясь опоздать, полковникъ Скворцовъ принужденъ былъ, съ своей стороны, сдѣлать три залпа.

Какъ силенъ былъ огонь, объ этомъ свидѣтельствовала участь поручика Головкова: пуля разбила ему ногу; не успѣлъ онъ проползти десяти шаговъ, какъ другая пуля перебила ему руку; три солдата подхватили его на носилки, но тутъ Головкову третья пуля перебила и другую ногу. Кромѣ Головкова, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ этой атаки, 4-й баталіонъ потерялъ слишкомъ 50 человѣкъ и поручика Шведова.

И въ самомъ разгарѣ этого огня, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, не прекращалась ни на минуту самоотверженная работа санитаровъ, бережно подбиравшихъ, укладывавшихъ и уносившихъ раненыхъ...

Въ это время, замѣтивъ безпрестанныя перебѣжки отдѣльныхъ группъ частей, прежде вступившихъ въ бой, офицеры 4-го Измайловскаго баталіона первые подали своимъ солдатамъ примѣръ подобныхъ же маневровъ. Сначала перебѣжали стрѣлки, за ними, отдѣльными группами, послѣдовали и колонны. Перебѣжками, а не „ползкомъ", люди 3-го баталіона Измайловцевъ, дошли до шалашей, шагахъ 100 — 150 отъ Большаго редута; 4-ый же баталіонъ достигъ до траншей, расположенныхъ лѣвѣе и шагахъ въ 100 сзади шалашей. До шалашей добѣжала прежде всѣхъ 12-я рота. Она рванулась было даже и впередъ шалашей, надѣясь разомъ добѣжать до редута. Но увидѣвъ, что остальныя роты остановились, командиръ 12-й роты повернулъ и ее обратно, за шалаши. Вдругъ оказалось, что, всего шагахъ въ 70-ти отъ редута, оставленъ съ перебитою ногой рядовой Савостинъ. Замѣтивъ опасное положеніе раненаго, унтеръ-офицеръ Карюкинъ, отдавъ ружье товарищу, побѣжалъ за Савостинымъ, взвалилъ его себѣ на плечи — но принесъ къ ротѣ одинъ трупъ: стрѣляя

по Карюкину, турки буквально изрѣшетили все тѣло несчастнаго Савостина. По свидѣтельству Измайловцевъ, подойти съ этой стороны на болѣе близкую дистанцію было рѣшительно невозможно, хотя въ реляціи и сказано, что оба эти баталіона „проползли на колѣняхъ на 50 шаговъ“ отъ Большаго редута.

И у Измайловцевъ, и у стрѣлковъ повторялась надъ турками шутка съ поднятыми на штыкахъ шапками. Многіе начальники, какъ сказано въ донесеніи полковника Гриппенберга, условились между собою воспользоваться такимъ настроеніемъ людей, чтобы броситься на штурмъ при первомъ признакѣ серіозной попытки такого рода на другихъ пунктахъ позиціи...

Между тѣмъ, въ средней колоннѣ происходило слѣдующее: когда приказаніе о залпахъ дошло до 3 и 4-го баталіоновъ Московцевъ, генералъ Брокъ написалъ о немъ слѣдующую записку на имя капитана Капичко, оставшагося старшимъ въ 4-мъ баталіонѣ: „Будетъ произведена общая атака. Сигналомъ для атаки слѣдуетъ принять три залпа, данные съ праваго вашего фланга. Сперва будетъ дано три залпа съ лѣвой стороны, отъ графа Шувалова, за тѣмъ три залпа батарей, сзади васъ находящихся, и наконецъ три залпа съ вашего праваго фланга. По первому сигналу начните перестрѣлку, по послѣднему начинать атаку, Вы будете поддержаны Московскими, Измайловскими и Финляндскими баталіонами“. Лишенный своего адъютанта, генералъ Брокъ, для доставленія записки, вызвалъ охотника изъ 3-го баталіона, съ порученіемъ доставить записку прежде во 2-й баталіонъ. Но, не добѣжавъ до назначенія, охотникъ былъ тяжело раненъ и только успѣлъ передать записку

офицеру 3-го Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго баталіона, доставившаго ее командиру 3-го Московскаго баталіона, полковнику Аничкову. Такимъ образомъ, записка была доставлена въ 4-й баталіонъ лишь по окончаніи всѣхъ попытокъ общей атаки. Командиръ же 2-го баталіона, полковникъ Ляпуновъ, получилъ приказаніе во-время. Этотъ храбрый штабъ-офицеръ былъ впереди баталіона при занятіи шоссе и все время оставался со своими людьми, не разъ приподнимаясь съ канавы, чтобы лучше разсматривать непріятеля и имѣть надзоръ за своимъ баталіономъ. Не долго думая, полковникъ Ляпуновъ приказалъ трубить „атаку“ и первый вскочилъ изъ-за канавы, чтобы броситься впередъ. Но его же солдаты стащили его за ноги обратно въ канаву. „Будетъ вашему высокоблагородію быть все впереди — теперь наша очередь!“ разомъ вскричали солдаты и съ громкимъ ура!—бросились впередъ...

Въ 4-мъ баталіонѣ никто не зналъ въ чемъ дѣло; тѣмъ не менѣе, нѣсколько кучекъ рванулись было за 2-мъ баталіономъ.

Между тѣмъ 3-й баталіонъ, разсчитывая на общее движеніе впередъ, тоже бросился къ шоссе, но, прибывъ къ нему въ то время, когда возвращались послѣ страшныхъ потерь, оставшіеся одни предъ фронтомъ люди 2-го и нѣсколько кучекъ 4-го баталіоновъ, тоже прилегъ въ канавѣ и поддержалъ общую перестрѣлку...

Если было чрезвычайно трудно доставить приказаніе до 4-го баталіона Московцевъ, то не только для войскъ, расположенныхъ за домикомъ и другими передовыми закрытіями, но и до Малаго редута была безусловная невозможность передать какое бы то ни было приказаніе,—такъ силенъ былъ огонь, обстрѣливавшій всю от-

крытую мѣстность кругомъ Малаго редута. Такимъ образомъ, тамъ ничего и не знали о девяти залпахъ; когда же услышали съ правой стороны крики ура, то приняли ихъ за признакъ болѣе сильной перебѣжки. Вдругъ, правѣе и нѣсколько позади Малаго редута, только что прибывшія на позицію три роты 2-го баталіона Измайловцевъ, предводимыя флигель-адъютантомъ полковникомъ Кршивицкимъ, устремились на Большой редутъ. Примѣромъ этимъ увлеклись и отдѣльныя группы Лейбъ-Гренадеръ и саперъ; начались же онѣ почти въ то время, когда атаки правой колонны уже оказались неудачными. Все это не могло ускользнуть отъ вѣрнаго взгляда генерала Гурко,—„съ замираніемъ сердца", какъ сказано въ реляціи, слѣдившаго за исполненіемъ столь здраво обдуманной общей атаки. Какъ ни отваженъ и стремителенъ былъ рядъ атакъ, предпринятыхъ въ средней колоннѣ, но для начальника отряда было очевидно, что онѣ уже не могли отвратить неминуемой неудачи.

Что касается Павловцевъ, то, заботливостью графа Шувалова, какъ имъ, такъ и залегшей правѣе ихъ 8 ротѣ Измайловцевъ, очевидно было передано общее распоряженіе о девяти залпахъ: когда командиръ 8 Измайловской роты, штабсъ-капитанъ Гейнриціусъ—увлеченный страшно усилившеюся стрѣльбой турокъ и криками ура!—самъ бросился впередъ со своею ротой, то одинъ офицеръ сказалъ ему: „Куда вы идете? Вѣдь атака *еще не началась!*"—„Такъ надо же кому нибудь начать ее", отвѣтилъ безстрашный Гейнриціусъ, и въ одну перебѣжку достигъ до домика съ бѣлой крышей и прилегъ за нимъ со всею своею ротой. Какъ разъ въ это же время, 1-й баталіонъ Измайловцевъ только что поспѣ-

валъ въ лощину противъ юго-западнаго угла Большаго редута, между Павловцами и Финляндцами. Замѣтивъ приближеніе ожидаемаго подкрѣпленія, графъ Шуваловъ быстро выѣхалъ къ нему на встрѣчу, съ твердою рѣшимостью поддержать преждевременно начинавшуюся атаку. Подозвавъ къ себѣ командира 1-го баталіона, полковника Клевезаля, графъ Шуваловъ, справившись о числѣ ротъ подъ его командой и указывая въ сторону Большаго редута, сказалъ ему: „Идите по этому направленію на помощь Лейбъ-Гренадерамъ“. Баталіонъ продолжалъ движеніе ускореннымъ шагомъ; по тѣснотѣ мѣста, роты слѣдовали одна за другой, заднія догоняя переднія почти бѣгомъ и подвергаясь убійственному анфиладному огню Большаго редута. Баталіонъ вышелъ на опушку лѣса лѣвѣе Павловцевъ и правѣе Финляндцевъ. Въ то время впереди и правѣе 1-го баталіона Измайловцевъ, Павловцы, 8 рота Измайловцевъ, Лейбъ-Гренадеры и три остальныя роты 2 баталіона Измайловцевъ, один за другими, возобновляли свои геройскія атаки. При видѣ этой потрясающей картины, весь 1-й баталіонъ Измайловцевъ, какъ одинъ человѣкъ, безъ остановки и не дожидаясь команды, рванулся бѣгомъ впередъ. Не было, однако, никакой возможности достигнуть до рва въ одну перебѣжку. Двѣ первыя роты залегли за кучами хвороста, а потомъ и за незначительною насыпью, шагахъ въ 60—80 отъ Большаго редута. Особенно отличались при этомъ: оба ротные командира, флигель-адъютантъ капитанъ Божеряновъ и поручикъ Крузенштернъ, а также роты Его Величества унтеръ-офицеръ Смирновъ, до занятія насыпи не разъ перебѣгавшій къ ней съ капитаномъ Божеряновымъ и кучкой солдатъ, чтобы не дать туркамъ безнаказанно

высовываться изъ за бруствера и поражать выстрѣлами скученныхъ во рву людей всѣхъ полковъ и баталіоновъ, обложившихъ Большой редутъ. Что же касается 3-й роты Измайловцевъ, то она уклонилась вправо отъ своего баталіона и примкнула къ 8-й ротѣ, за домикомъ съ бѣлою крышей...

Въ это время и у Павловцевъ тоже произошло было нѣсколько отдѣльныхъ атакъ небольшими группами людей. Въ одной изъ нихъ, поручикъ Кучинскій, находясь въ цѣпи 14-й роты, встрѣтилъ турецкій ложементъ ближе къ большому редуту, чѣмъ на половинѣ разстоянія отъ него до шосе. Видя наступавшую горсть Павловцевъ турки, полагаясь на превосходство своихъ силъ, пытались было выждать натискъ русскихъ, но были выбиты и прогнаны, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, исколотыхъ русскими штыками...

Какъ ни неудачна оказалась по всей линіи эта общая атака, но результатомъ ея было одновременно приближеніе, на самую близкую дистанцію къ Большому редуту, не только всей нашей первоначальной боевой линіи, но и вновь прибывшихъ новыхъ четырехъ баталіоновъ, совершенно свѣжихъ и неутомленныхъ непрерывно продолжавшимся, слишкомъ восьмичасовымъ боемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно по занятіи новыхъ позицій, со всѣхъ сторонъ устремились въ ровъ новыя отдѣльныя кучки, предводимыя своими офицерами...

Къ рѣшительной, одновременной атакѣ цѣлымъ полкомъ подали поводъ три залпа только въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Графъ Шуваловъ *лично* прибылъ въ расположеніе Финляндскаго полка, — „облѣпившаго

какъ піявки", говоря словами донесенія генерала Лаврова, „весь поднимавшійся предъ нимъ скатъ холма"— и обстоятельно передалъ приказаніе начальника отряда, уговаривая начальниковъ, насколько возможно, беречь людей, не подвергая ихъ безполезной опасности. Получивъ приказанія о залпахъ, генералъ Лавровъ поручилъ своимъ офицерамъ готовиться къ штурму. Загремѣли вдали какіе то три залпа; безстрашный Лавровъ немедленно рѣшилъ снова вести своихъ Финляндцевъ на штурмъ. Но предварительно, генералъ Лавровъ послалъ адъютантовъ къ сосѣднему съ его полкомъ 2-му Л.-Гв. Стрѣлковому баталіону и къ командиру Лейбъ-Гренадерскаго полка, съ просьбой поддержать предполагаемую имъ атаку. По возвращеніи же адъютантовъ, генералъ Лавровъ предупредилъ всѣхъ идти за нимъ, когда онъ вынетъ саблю и крикнетъ ура! Сказано—сдѣлано. Поднявшись какъ одинъ человѣкъ, полкъ сразу вскочилъ на плато, хотя убитые и раненые падали уже не по одиночкѣ, а цѣлыми кучами, рядами. Самъ Лавровъ не сдѣлалъ и 50 шаговъ, какъ палъ, пораженный пулей въ животъ на вылетъ, кромѣ него были тяжело ранены полковники Кислинскій, капитанъ баронъ Функъ I, контуженъ поручикъ Пчельниковъ и убитъ подпоручикъ Гагманъ. Стараясь встать, Лавровъ все еще ободрялъ и воодушевлялъ людей, не позволяя никому отставать, но тутъ поразила его другая, не менѣе мучительная пуля... *). Бѣгая въ запуски, выбившіеся изъ силъ прежними атаками, люди растянулись по всей покатости; при всемъ томъ, передовые добѣжали шаговъ на десять

*) Генералъ Лавровъ былъ раненъ между 3 и $3^1/_2$ часами.

отъ редута—но всѣ были перебиты. Съ молодымъ командиромъ 5-й роты, поручикомъ Львовымъ, горсть храбрецовъ человѣкъ въ 50 залегла за шалаши, шагахъ въ 80 отъ редута. Но разорвавшаяся надъ ними граната, осыпавъ пулями этихъ молодцовъ и перебивъ значительное число ихъ, ранивъ и самого Львова, принудила ихъ снова укрыться въ овражекъ, чтобы пробраться къ полку, расположившемуся частью влѣво, т. е. къ сѣверу отъ плато, частью на прежнюю позицію, къ юго-западу отъ редута. При этомъ, поручикъ Львовъ успѣлъ высмотрѣть важное обстоятельство: полкъ находился противъ совершенно открытой, широкой горжи Большаго редута! Принявшій послѣ Лаврова команду надъ полкомъ полковникъ Вейсъ, безъ особаго приказанія не призналъ возможнымъ немедленно возобновить атаку и приказалъ окапываться, такъ какъ наступали сумерки и приходилось ожидать новыхъ распоряженій. Впрочемъ, полковникъ Вейсъ дозволилъ вызвать охотниковъ, и съ этими людьми, раненый Львовъ снова пробрался къ оставленнымъ имъ закрытіямъ: шалашамъ, палаткамъ, убитымъ лошадямъ, и, положивъ за ними своихъ охотниковъ, открылъ мѣткій огонь.

Возвращаясь къ полку, поручикъ Львовъ разсказалъ встрѣтившемуся ему Л.-Гв. Павловскаго полка штабсъ-капитану Бершову о замѣченной имъ широкой горжи Большаго редута. На основаніи этого разсказа, Бершовъ собралъ человѣкъ полтораста изъ разныхъ ротъ своего полка и бросился съ ними по указанному направленію. Дойдя шаговъ 60 отъ горжи, Бершовъ положилъ своихъ людей, приказавъ имъ окапываться чѣмъ попало, и открылъ мѣткій огонь въ ожиданіи новой атаки.

Какъ только полкъ возвратился подъ закрытіе мерт-

ваго пространства, всѣ вспомнили, что раненый полковой командиръ, не дозволявшій унести себя во время атаки, остался на плато подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля! Рядовой 3-й роты Колпаковъ немедленно вызвался, чтобы спасти всѣми любимаго командира. За нимъ вызвались и многіе другіе, но при чуткости, съ какой турки слѣдили за всѣми высовывавшимися изъ-за закрытія Финляндцами, одному человѣку скорѣе можно было надѣяться успѣть въ этомъ опасномъ предпріятіи, чѣмъ цѣлой кучѣ людей. Колпаковъ отправился одинъ. Пробравшись къ генералу Лаврову ползкомъ, Колпаковъ бережно уложилъ умиравшаго на свою шинель и, несмотря на учащенный огонь непріятеля, благополучно стащилъ съ горы несчастнаго страдальца и сдалъ его во 2-й Л.-Гв. Стрѣлковый баталіонъ, гдѣ генералу Лаврову была сдѣлана первая перевязка.

Прослѣдивъ „съ замираніемъ сердца“ за всѣми потрясающими фазами длинной вереницы геройскихъ попытокъ штурма генералъ Гурко замѣтилъ, что окончательнымъ результатомъ этихъ попытокъ было одновременное приближеніе, на самую незначительную дистанцію отъ Большаго редута, не однихъ цѣпей, но и массы штурмующихъ колоннъ. Обстоятельство это очевидно, подавало основаніе разсчитывать на близкую, окончательную побѣду при первомъ благопріятномъ случаѣ. На этомъ основаніи начальникъ отряда лично приказалъ графу Шувалову распорядиться возобновленіемъ штурма по наступленіи сумерекъ: въ случаѣ же, еслибы паче всякаго чаянія, было бы суждено и этому штурму не быть увѣнчаннымъ побѣдой, то отступить на линію батарей, привесть ихъ въ порядокъ, дать имъ переночевать, а на раз-

свѣтѣ открыть усиленное бомбардированіе, съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, либо ограничиться дѣйствіемъ артиллеріи, либо приступить къ новому штурму. Въ началѣ пятаго часа генералъ Гурко оставилъ батареи лѣвой колонны и опять направился къ батареямъ средней колонны, дабы лично передать приказаніе генералу Броку. Въ четверть шестаго генералъ Гурко вернулся на курганъ, находящійся за батареями колонны, гдѣ то же приказаніе о продолженіи боя было лично передано имъ генералу Эллису 1-му.

Шестой часъ вечера былъ въ исходѣ. Въ нѣсколько минутъ сумерки перешли въ ночь. Выступила на небосклонѣ красная, словно кровавая луна. Вмѣсто окаймлявшей Большой редутъ непрерывной тучи бѣлаго дыма, весь край бруствера и кавальера освѣтился такою же непрерывною линіей сверкавшихъ огненныхъ точекъ. Такая же линія засверкала, на нѣкоторомъ разстояніи, и кругомъ всего редута, Между тѣмъ, мглистая даль безпрестанно разрывалась широкими огненными полосами молній нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ...

Вдругъ, внутри редута, взвилось огромное пламя. Нашими гранатами были зажжены турецкіе шалаши и палатки. На фасѣ редута, противъ нашего лѣваго фланга, замѣтно стала рѣдѣть стрѣльба непріятеля. „Каково-то Туркамъ справляться съ пожаромъ внутри редута! У нихъ тамъ теперь суматоха... А чтобы тутъ грянуть на нихъ новымъ штурмомъ!“ „Чего тутъ думать!“ Такъ всюду затолковали гвардейцы—и вотъ, въ разныхъ мѣстахъ, раздались крики ура! сначала отдѣльные, но мгновенно подхваченные всею линіей и вдругъ, кругомъ всего редута, словно буря, заревѣло одно протяжное, оглушительное ура!

Нѣсколько минутъ спустя, уже въ самомъ редутѣ. при багровомъ освѣщеніи пожара, при безпрестанныхъ взрывахъ патроновъ и зарядовъ, пошла страшная рукопашная свалка. Что̀ тутъ происходило—о томъ свидѣтельствовали на другой день не только цѣлыя груды убитыхъ солдатъ, но и десятки поломанныхъ штыковъ. въ дребезги разлетѣвшихся прикладовъ и даже погнутыхъ ружейныхъ стволовъ и обгорѣвшія тѣла многочисленныхъ раненыхъ, забытыхъ Турками подъ пылавшими талашами. Въ темнотѣ, двое Русскихъ, нечаянно, прокололи другъ друга штыками.

По всему видно, что ожесточеннѣе, упорнѣе всего должна была происходить работа штыками и прикладами у сѣверной оконечности западнаго фаса редута, въ самой горжѣ его. и у южнаго его фаса, ближе къ его восточной оконечности. Съ нашей же стороны большинство тѣлъ принадлежало въ этихъ мѣстахъ полкамъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскому и Измайловскому.

Кто первый подалъ сигналъ *этой* атаки, кто первый ворвался въ редутъ, это—вопросы, по всей вѣроятности, неразрѣшимые не только для современниковъ, но и для суда грядущихъ поколѣній. Свѣдѣнія, нами на этотъ счетъ полученныя, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ шестомъ часу командиръ 2-го баталіона Л.-Гв. Измайловскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Кршивицкій, приказалъ ударить „атаку“ и сразу дойдя до рва съ тремя ротами, спустился въ него, далъ ротамъ минутъ десять отдыха, и за тѣмъ, по новому бою къ атакѣ, вскочилъ на бруствeръ и ворвался въ редутъ. При этомъ, стоя на бруствeрѣ, полковникъ Кршивицкій. увидѣлъ, что турки толпою тѣснятся къ сѣверовосточному фасу редута, т. е. въ сторону Плевны; между тѣмъ

какъ имъ гораздо естественнѣе было бы бѣжать въ противоположную сторону, т. е. къ горжѣ Большаго редута, *если бы эта горжа была свободна и еще не занята русскими.* Одновременно съ полковникомъ Кршивицкимъ поспѣли къ редуту и другія войска; разница тутъ могла быть развѣ въ трехъ-четырехъ минутахъ. Въ одно время съ полковникомъ Кршивицкимъ прибылъ на гласисъ и командиръ 8 роты Измайловцевъ, штабсъ-капитанъ Гейнрицiусъ, и встрѣтилъ, *уже находившагося тамъ,* полковника Аспелунда 2-го, командира 2-го баталіона Л.-Гв. Гренадерскаго полка. Какъ видно изъ записки офицера Измайловскаго полка, командира Его Величества капитана Божерянова, въ это же время достигли рва Большаго редута съ юго-западной стороны три роты 1-го баталіона, лежавшія въ это время за насыпями и шалашами, на самой близкой дистанціи отъ рва. Еще въ болѣе благопріятномъ положеніи находился Л.-Гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Бершовъ съ горстью храбрецовъ, собранною имъ изъ разныхъ ротъ своего полка. Лежа всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ горжи редута, Бершовъ „раньше другихъ ворвался въ редутъ".

Не менѣе благопріятно было, наконецъ, и положеніе того же полка подпоручика Иванченко: съ такою же горстью храбрецовъ успѣвшій залечь такъ близко отъ обращеннаго къ Телишу угла редута, что разглядѣвъ въ этомъ мѣстѣ какъ будто перешеекъ во рву, въ родѣ мостика, дошелъ под самый валъ, взобрался на покатость его и оттуда стрѣлялъ по туркамъ изъ револьвера. Примѣру этому послѣдовали многіе, особенно унтеръ-офицеръ 3-й роты Алексѣевъ, вмѣстѣ съ нимъ вскочившій „первый на валъ", какъ только обнаружились признаки общей атаки...

Въ это же время, увидѣвъ запылавшіе шалаши, люди Л.-Гв. Финляндскаго полка, будто сговорившись, тоже бросились дружно впередъ и ворвались въ горжу редута... Ближе всѣхъ, отъ горжи, стояли финляндскіе охотники. Впереди всѣхъ, вихремъ несся безстрашный Кисель...

3-му баталіону Измайловцевъ, находившемуся на правомъ флангѣ, всего шагахъ въ 70-ти отъ бруствера, тоже было не далеко до рва. Впереди баталіона, первымъ вскочилъ на брустверъ командиръ 10-й роты штабсъ-капитанъ Кушелевъ. Но едва вымолвилъ онъ: „Ребята, за...“, какъ тутъ же свалился убитый на повалъ. Его застрѣлилъ турецкій офицеръ, сидѣвшій за брустверомъ и уже положившій не одного изъ нашихъ передовыхъ смѣльчаковъ. Разъяренные Измайловцы мгновенно покончили съ нимъ своими штыками.

Увлеченные общимъ воодушевленіемъ, скоро поспѣли къ редуту и 4-й баталіонъ Измайловцевъ, и саперы, и стрѣлки...

Всего вѣроятнѣе, что прежде всѣхъ отдѣльныхъ частей, облагавшихъ Большой редутъ, ворвались въ него отдѣльныя группы, уже давно устроивавшія во рву, по скату эскарпа, ступени для подъема на берму и на брустверъ. Какъ оказывается нынѣ, огонь турокъ потому и становился слабѣе по всей мѣстности кругомъ редута, что турки, озабоченные людьми, находившимися во рву, старались избавиться отъ подкапывавшагося подъ нихъ непріятеля. Во рву же находились люди всѣхъ полковъ и баталіоновъ атаковавшаго отряда. Но отстрѣливаясь уже такъ давно, люди во рву истощили свои патроны. Рядовые Л.-Гв. Павловскаго полка, Лизуновъ, Ершовъ и Демиденко первые стали бросать изо рва въ глаза

туркамъ землю и камни. Примѣру ихъ послѣдовали и другіе. Скоро поднялась такая туча пыли, что многіе уже получили возможность почти безнаказанно выбираться изо рва, отбирать патроны у убитыхъ на гласисѣ и кругомъ рва, и возобновлять такимъ образомъ запасъ зарядовъ. Роты Его Величества Л.-Гв. Измайловскаго полка, унтеръ-офицеръ Морозовъ возбуждалъ общій восторгъ своими мѣткими выстрѣлами по высовывавшимся на брустверѣ фескамъ, пока самому ему вражья пуля не разнесла черепъ. Тутъ же оказался, не смотря на свои двѣ раны, уже извѣстный герой-балагуръ унтеръ-офицеръ Ильченко, также ухитрившійся, съ простреленными ногами, взобраться одинъ изъ первыхъ въ редутъ. Легче всего оказалось ворваться въ редутъ тѣмъ изъ этихъ людей, которымъ посчастливилось выйти изо-рва противъ горжи редута...

Пораженные ужасомъ, турки выкинули бѣлый флагъ *на углу праваго фаса редута*, обращеннаго къ Плевнѣ.

Съ *этого же фаса* бросились они бѣжать по направленію къ шоссе. Тутъ встрѣтили они 2 и 3 баталіоны Л.-Гв. Московскаго полка и 4-й баталіонъ Л.-Гв. Измайловскаго. Набѣжавъ въ темнотѣ на русскихъ, турки сдѣлали по нимъ два залпа и тутъ же бросили оружіе съ крикомъ: „Аманъ“.

Замѣчательна тупая свирѣпость обезумѣвшихъ турокъ! Они даютъ два залпа въ тѣхъ, кого тутъ же умоляютъ о пощадѣ!

Еще отвратительнѣй образчикъ этой безумной свирѣпости турокъ: на кавальерѣ, внутри редута, найденъ изувѣченный турками солдатъ Московскаго полка, взобравшійся на кавальеръ, не замѣчая, что онъ одинъ...

Командиръ 2-го баталіона Л.-Гв. Московскаго полка,

полковникъ Ляпуновъ, принялъ выбѣжавшаго изъ Большаго редута турецкаго парламентера и потребовалъ безусловной сдачи. Парламентеръ согласился на все...

Наступили сумерки. Выкинутый турками бѣлый флагъ ни кѣмъ не былъ замѣченъ. Къ тому же, засѣвшіе въ шалашахъ и землянкахъ турки отчаянно продолжали отстрѣливаться, также какъ и нѣкоторыя отдѣльныя группы, не думавшія бросать оружія. Такимъ образомъ, вопреки бѣлому флагу, внутри редута продолжалась неистовая штыковая работа. Спасаясь отъ нея, толпа турокъ, съ адъютантомъ паши во главѣ, пала на колѣни съ воплемъ „аманъ!“ предъ первымъ встрѣтившимся ей русскимъ офицеромъ.

Другіе турки, хоть и бросались на колѣни, но, будучи помилованы, тутъ же стрѣляли въ русскихъ.

При общемъ геройскомъ настроеніи всей гвардіи, начиная отъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго рядоваго, казалось бы немыслимымъ какое либо личное отличіе. При всемъ томъ, послѣдній побѣдоносный штурмъ Большаго редута не обошелся безъ нѣкоторыхъ выдававшихся изъ ряду особенныхъ подвиговъ личной храбрости и смѣтливости. Ограничимся приведеніемъ трехъ такихъ фактовъ. Замѣтивъ, что турки толпились у сѣверо-восточнаго угла редута, ворвавшійся съ юго-западнаго фаса его 1-й баталіонъ Измайловцевъ бросился на нихъ въ штыки и вытѣснилъ ихъ изъ редута. Послѣ этого натиска, рядовой 2-й роты Авчинниковъ, возвращаясь съ преслѣдованія, соскочилъ съ бруствера во внутренній ровикъ редута и, при свѣтѣ пожара, замѣтилъ одного турка, украдкой пробиравшагося по этому ровику, вдоль бруствера. Нагнавъ его, Авчинниковъ поразилъ его штыкомъ, но увидѣлъ, что упавшій турокъ

старался туловищемъ своимъ покрыть знамя, древко котораго выходило изъ подъ его ногъ. Авчинниковъ овладѣлъ знаменемъ и лично доставилъ его начальнику отряда. Того же полка ефрейторъ Брадинъ, окруженный, внутри редута, четырьмя турками, отдѣлался отъ одного изъ нихъ штыкомъ, а двумъ разбилъ головы, разлетѣвшимся при этомъ въ дребезги прикладомъ, причемъ четвертый турокъ былъ взятъ въ плѣнъ подоспѣвшими товарищами Брадина. Того же полка унтеръ-офицеръ Ерофѣевъ, оставшись одинъ изъ четырехъ человѣкъ, избранныхъ въ прикрытіе ротнаго командира, капитана Божерянова, ограждалъ его собственнымъ тѣломъ отъ летѣвшихъ пуль и ловко прикололъ турка, набѣжавшаго со штыкомъ на флигель-адъютанта Божерянова.

Во время общаго вторженія въ Большой редутъ, вбѣжалъ въ него командующій Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Шмитъ, имѣя при себѣ знаменщика 4-го баталіона. Такимъ образомъ, въ этотъ историческій моментъ боя, въ турецкомъ редутѣ уже развѣвалось одно *русское знамя*... Знаменщикъ, фельдфебель Митрофановъ, стоявшій рядомъ съ флигель-адъютантомъ Шмитомъ былъ вскорѣ убитъ и святыня полка тотчасъ была подхвачена унтеръ-офицеромъ Теремковымъ. На другой день оказалось, что это знамя, во время боя 12-го числа, было прострѣлено не только въ полотнѣ, но и въ древкѣ.

По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, рѣзня прекратилась лишь съ пріѣздомъ графа Шувалова. Онъ приказалъ трубить отбой; лично унимая разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, онъ положилъ конецъ кровопролитію. По мѣрѣ того, какъ прекращалась битва, графъ благодарилъ и поздравлялъ всѣхъ. „Ура! Ура!“ отвѣчали офицеры и солдаты..

Наступало упоеніе восторга побѣды: въ сердце всякаго проникало сознаніе величія совершеннаго подвига, святости исполненнаго долга: и офицеры, и нижніе чины, поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались, благодарили Бога; у многихъ вырывались слезы. Офицеры стали собирать свои части: повсюду рожки затрубили сборъ.

Графъ Шуваловъ поручилъ саперньмъ офицерамъ осмотрѣть немедленно редутъ для приведенія его въ оборонительное положеніе.

Между тѣмъ, на курганѣ, за правой колонной, при свистѣ перелетавшихъ пуль, слезли съ лошадей генералъ Гурко и его начальникъ штаба, и сюда же съѣхались многіе начальники частей для полученія новыхъ приказаній. Генералъ готовился провесть ночь на этомъ курганѣ. Освѣщенный простымъ фонаремъ, Гурко диктовалъ Нагловскому донесеніе о происходившемъ боѣ. Но вотъ—скачетъ во весь опоръ всадникъ. Онъ машетъ рукой, что-то кричитъ... Круто осаживаетъ коня предъ самымъ генераломъ Гурко: это его ординарецъ, ротмистръ Скалонъ.

„Редутъ въ нашихъ рукахъ!“

— „Что? Редутъ нашъ?“ спросилъ генералъ.

— „Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся турки сдались“.

„Ура“, вырвалось у генерала; „ура!“ подхватили всѣ на курганчикѣ. Провидѣніе увѣнчало побѣдой геройство гвардіи Русскаго Царя!

Въ одно мгновеніе всѣ были на коняхъ и, вслѣдъ за начальникомъ отряда, пустились маршъ-маршъ по направленію къ редуту, перескакивая чрезъ безчисленныя

кучи убитыхъ. „Редутъ былъ озаренъ краснымъ широкимъ заревомъ, на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ", писалъ на другой день князь Шаховской въ *Московскія Вѣдомости*, „собравшись кучами на редутѣ и вокругъ него, солдаты подхватили ура! при видѣ мчавшагося къ нимъ генерала Гурко. Шапки полетѣли вверхъ; другіе надѣвали шапки на штыки. Оглушительное опьяняющее ура! стояло въ воздухѣ. Солдаты кинулись на встрѣчу генерала; словно живое море окружило генерала и его свиту со всѣхъ сторонъ. „Молодцы—дѣти!" проговорилъ генералъ взволнованно; „спасибо, молодцы" и въ суровомъ голосѣ генерала звучала трогательная нота. Ура! Ура! повторялось и разносилось вдаль. Плѣнные, положившіе оружіе на редутѣ, были уже выведены и стояли кучей, отдѣленные нашими солдатами. Къ генералу Гурко подвели взятаго въ плѣнъ турецкаго генерала Ахмедъ-Февзи-пашу. Лицо паши было грустно и убито. Онъ низко поклонился генералу Гурко и всталъ, опустивъ голову. Генералъ Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: „уважаю въ васъ храбраго противника".

Битва кончилась. Красный Крестъ вступалъ въ свои права. Забѣгали санитары. Стали разбирать убитыхъ отъ раненыхъ. Страшенъ и грозенъ Русскій солдатъ въ бою, но надо посмотрѣть его за уборкою раненыхъ. Какъ нянька обращается съ малымъ дитятей, такъ онъ бережно перекладываетъ пострадавшаго на носилки; легко дѣйствуютъ его загрубѣлыя руки и нѣжно укладываютъ и перевязываютъ раненаго". Въ продолженіе десятичасоваго боя, санитары усердно и самоотверженно работали подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, подбирая и перевязывая раненыхъ.

Вдругъ ударили и затрубили тревогу. Разнесся слухъ о наступленіи Османъ-паши изъ Плевны. Всѣ снова бросились къ оружію.

Слава Богу! слухъ не оправдался.

Несмотря на ночь, генералъ Гурко тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ укрѣпленіи Горнаго Дубняка, особенно со стороны Телиша, въ виду малочисленности выставленнаго противъ него заслона и полученныхъ извѣстій о значительныхъ подкрѣпленіяхъ, подоспѣвшихъ къ непріятелю.

Прямо съ боя Л.-Гв. Измайловскій полкъ, вмѣстѣ съ батареей 1-й гвардейской артиллерійской бригады, выступилъ обратно на свою первоначальную позицію, предъ Дольнимъ Дубнякомъ.

Начальникомъ отряда отправлены были отъ конвоя небольшіе отряды съ самыми широкими полномочіями, для прекращенія пожара, объявшаго Горный Дубнякъ.

Сочтены трофеи: одинъ паша, 53 офицера, 2,235 не раненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое полковое знамя, четыре круповскихъ дальнобойныхъ орудія, съ многочисленными слѣдами, свидѣтельствовавшими о мѣткости выстрѣловъ нашей артиллеріи, и огромное число ружей и боевыхъ припасовъ. Хотя пожаромъ было взорвано нѣсколько тысячъ металлическихъ патроновъ, тѣмъ не менѣе, огромное число ихъ досталось въ руки побѣдителя.

Безсмертною славой, но и потоками русской крови ознаменовалось огненное крещеніе Гвардіи Русскаго Царя 12 октября 1877 года. Потеряла она убитыми: одного штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ, 790 нижнихъ чиновъ; ранеными — 3 генераловъ, 96 штабъ и

оберъ-офицеровъ, 2,384 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ 20 нижнихъ чиновъ.

Кому же прежде всего принадлежитъ слава этой безсмертной побѣды?

Починъ славы, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Тому, Кто сердечною заботливостью о Своей Гвардіи, какъ о Своихъ родныхъ дѣтяхъ, внушилъ всѣмъ чинамъ ея безукоризненное знаніе дѣла и самоотверженную преданность долгу службы, благодаря которымъ для нея нѣтъ ничего невозможнаго. Затѣмъ, Великаго Князя Главнокомандующаго, и Наслѣдника Русскаго Престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, пять мѣсяцевъ удерживавшаго съ горстью богатырей Восточнаго отряда не разъ повторенные натиски главныхъ силъ непріятеля,—вотъ Кого долженъ благодарить и славить Русскій народъ за безсмертные подвиги Русской Гвардіи въ кровавый день 12 октября 1877 года.

Затѣмъ слава побѣды 12 октября принадлежитъ несомнѣнно генералъ-адъютанту Гурко и начальнику 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанту графу Шувалову.

Какъ бы ни были предусмотрительны, основательны и своевременны распоряженія главныхъ начальниковъ, а въ самомъ разгарѣ боя, управленіе дѣломъ становится достояніемъ болѣе близкихъ къ войскамъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Подъ Горнымъ Дубнякомъ эта часть управленія ходомъ сраженія, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, была выполнена всѣми начальниками, начиная отъ начальниковъ колоннъ до полковыхъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ. Блестящимъ подви-

гомъ, ознаменовавшимъ этотъ фазисъ сраженія при Горномъ Дубнякѣ, оказался, безъ сомнѣнія, штурмъ Малаго редута полковникомъ Любовицкимъ съ Лейбъ-Гренадерами, при своевременномъ поддержаніи ихъ генералами Зедделеромъ и Розенбахомъ съ Московцами, Павловцами и Финляндцами. Этотъ штурмъ былъ настоящимъ *почином победы*: успѣхомъ его обезпечился успѣхъ наступленія всѣхъ прочихъ войскъ...

Но съ этимъ подвигомъ почти и кончается въ сраженіи 12 октября дѣйствительность управленія командировъ главныхъ частей. И львиная храбрость, и хладнокровная распорядительность, оказанныя генералъ-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генералами: Лавровымъ. Розенбахомъ, Зедделеромъ, Эллисомъ 1-мъ и Эллисомъ 2-мъ; полковниками: Любовицкимъ, Руновымъ, графомъ Клейнмихелемъ, Прокопе, Эбелингомъ, Асселундомъ и другими, въ этотъ періодъ боя уже не могли подвинуть дѣла ни на одну пядь впередъ. Тутъ, какъ уже сказано было, наступила совершенно своеобразная сторона сраженія при Горномъ Дубнякѣ: руководящая боемъ сила раздробилась до безконечности и все стало дѣлаться единственно по инипіативѣ, по соображеніямъ „солдатской тактики“, т. е. личной храбрости и смѣтливости отдѣльныхъ людей, причемъ на долю офицеровъ выпала лестная задача словомъ и примѣромъ ободрять и поощрять эту „солдатскую тактику“.

Взятіе редута было естественнымъ результатомъ постепеннаго наступленія нашихъ цѣпей мелкими группами до самаго подножія эскарпа рва Большаго редута. Какимъ образомъ производившаяся тамъ подземная работа привела къ окончательному торжеству русскаго

оружія — неизвѣстно. Вѣрно одно: въ тотъ моментъ, когда предводимыя начальниками сплошныя массы войскъ, оцѣплявшія Большой редутъ, ворвались на его бруствeръ—въ тотъ самый моментъ, внутри редута, уже шла неистовая работа штыками и прикладами. Что слѣдуетъ вывести изъ этого факта? Очевидно то, что до прибытія массъ, въ редутъ ворвались ближайшіе къ нему люди, работавшіе во рву и, найдя выходъ изъ редута, гдѣ прекращались и ровъ, и брустверъ, они воспользовались имъ, чтобы противъ этого мѣста выбраться изъ рва и броситься въ редутъ. Также естественно, что первыми послѣдовали за ними люди, стоявшіе и лежавшіе за „домикомъ"; за ними—люди, лежавшіе за кучами хвороста и въ ближайшихъ къ Большому редуту канавахъ шосе, тянувшихся между обоими редутами. Такимъ образомъ окончательно выясняется рѣшающее вліяніе овладѣнія Малымъ редутомъ на исходъ боя: благодаря геройству Лейбъ-Гренадеръ, стали возможны тѣ перебѣжки, которыя завершились занятіемъ рва и вторженіемъ передовыхъ людей въ Большой редутъ. Такимъ же образомъ объясняется, что Турки бѣжали массами отъ входа въ редутъ (на его юго-западномъ фасѣ), къ противоположному ему сѣверо-восточному углу редута и пытались оттуда пробраться на шосе, гдѣ ихъ передовые люди наткнулись на Московцевъ и на 4-й баталіонъ Измайловцевъ, а главной массѣ ихъ преградилъ путь уже взбиравшійся на брустверъ 3-й баталіонъ Измайловцевъ. Этимъ же объясняется, наконецъ, и тотъ фактъ, что большая часть русскихъ тѣлъ оказалась именно у юго-западнаго фаса редута, гдѣ лежали тѣла Финляндцевъ, и у сѣверо-восточнаго угла редута, гдѣ найдены такія-же груды Измайловцевъ. Но тутъ

выдается и еще одна изъ самыхъ блестящихъ особенностей сраженія при Горномъ Дубнякѣ, состоявшая въ безпримѣрно внимательной и самоотверженной поддержкѣ, взаимно оказанной всѣми частями войскъ. Люди, занимавшіе ровъ и ближайшія къ редуту закрытія, по всей вѣроятности, рѣшились на послѣднюю, отчаянную попытку лишь тогда, когда раздавшееся позади ихъ громовое ура! возвѣстило, что предпринимаемый штурмъ будетъ немедленно поддержанъ общимъ натискомъ нашихъ войскъ; съ другой-же стороны, не менѣе вѣроятно, что самый успѣхъ этого натиска болѣе всего обезпечился рукопашнымъ боемъ внутри редута и безумною паникой, наведенною имъ на турокъ.

И такъ, если самымъ рѣшающимъ подвигомъ стройныхъ массъ, предводимыхъ безстрашными и искусными начальниками, оказывается подъ Горнымъ Дубнякомъ завладѣніе Малымъ редутомъ; если эти самыя массы, но уже съ одновременнымъ участіемъ всѣхъ войскъ, облагавшихъ Большой редутъ, своимъ дружнымъ натискомъ дали передовымъ смѣльчакамъ сигналъ къ окончательному штурму,—то главная честь и слава подвига всетаки принадлежитъ этимъ передовымъ смѣльчакамъ, простымъ рядовымъ, унтеръ-офицерамъ и офицерамъ,— а эти смѣльчаки, какъ уже не разъ было сказано, принадлежали *ко всѣмъ частямъ войскъ, участвовавшимъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.*

Артиллерія наша тоже блестящимъ образомъ исполнила долгъ службы. Перебивъ всю прислугу непріятельскихъ орудій, она заставила ихъ молчать и на всѣхъ ихъ оставила слѣды нашихъ снарядовъ; большая часть убитыхъ турокъ оказалась пораженною нашими артиллерійскими снарядами; наконецъ, своими мѣткими

выстрѣлами, наши батареи зажгли внутри редута пожаръ, отвлекшій турокъ отъ бруствера и послужившій сигналомъ единодушному, неудержимому натиску.

Генеральный Штабъ съ неменьшею гордостью имѣетъ право записать Горный Дубнякъ въ свою боевую лѣтопись. Руководимые поучительнымъ примѣромъ начальника штаба отряда, генерала Нагловскаго, всѣ прочіе начальники штабовъ, равно какъ и ихъ товарищи по эксельбанту, показали себя 12 октября 1877 года достойными представителями славныхъ преданій Генеральнаго Штаба Русской арміи.

Какъ велика честь и слава, выпадающая на долю нашихъ гвардейскихъ офицеровъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ, объ этомъ (какъ видно изъ разсказа, переданнаго намъ очевидцемъ) раненые солдаты имѣли счастіе засвидѣтельствовать лично Государю Императору, при посѣщеніи Его Величествомъ, 15 октября, въ Боготѣ, раненыхъ Гвардейцевъ, привезенныхъ изъ подъ Горнаго Дубняка и Телиша.

— „Какіе-же вы молодцы!“ произнесъ Государь съ особеннымъ чувствомъ, обратившись къ раненымъ нижнимъ чинамъ.

— „Какъ намъ не быть молодцами съ такими господами офицерами, какъ наши“, отвѣтилъ Государю одинъ изъ раненыхъ.

— „Эти слова должны быть Вамъ очень пріятны“, изволилъ сказать Государь, милостиво обратившись къ раненымъ офицерамъ, окружавшимъ Его Величество...

Исторія должна занести эти слова въ свои скрижали какъ лучшее доказательство тѣхъ отношеній между офицерами и нижними чинами, коими сплачивается православное воинство Русскаго Царя въ одно несокрушимое цѣлое...

ПЛАНЪ
ШТУРМА
ГОРНАГО ДУБНЯКА
12 Октября 1877 г.

Черевинъ

р. Дубничка

2 стр. бат

4 стр. бат Импер. фам

Финляндцы

1 бат

4 бат

3 бат

2 бат

1 бат Измайловцев

Павловцы

Лейбъ Гренадиры

Московцев

3 б Измайловц

Большой редутъ

Софiйское шоссе изъ Телиша въ Плевно

Малый редутъ

1 стр. бат

1 стр. бат

2007099205